

Бегущий за ветром

Автор:

Халед Хоссейни

Бегущий за ветром

Халед Хоссейни

Проникновенная, пробирающая до самого нутра история о дружбе и верности, о предательстве и искуплении. Нежный, ироничный и по-хорошему сентиментальный, роман Халеда Хоссейни напоминает живописное полотно, которое можно разглядывать бесконечно. История разворачивается в довоенном Кабуле 1970-х. В этом волшебном городе, переливающимся всеми оттенками золота и лазури, живут два мальчика-погодка, Амир и Хасан. Один принадлежал к местной аристократии, другой – к презираемому меньшинству. У одного отец был красив и важен, у другого – хром и жалок. Господин и слуга, принц и нищий, красавец и калека. Но не было на свете людей ближе, чем эти два мальчика. Вскоре кабульская идиллия сменится грозными бурями. И мальчиков, словно двух бумажных змеев, подхватит эта буря и разметает в разные стороны. У каждого своя судьба, своя трагедия, но они, как и в детстве, связаны прочнейшими узами. Ты бежишь за бумажным змеем и ветром, как бежишь за своей судьбой, пытаешься поймать ее. Но поймают она тебя.

Халед Хоссейни

Бегущий за ветром

Эта книга посвящается Хэрису и Фаре, светочам моих очей, и всем детям Афганистана

Декабрь 2001 года

Тем, кто я есть, я стал зимой 1975 года, в морозный пасмурный день. Эта минута навсегда врезалась мне в память: пригнувшись, я хоронюсь за саманной стеной у замерзшего ручья и украдкой наблюдаю за тем, что совершается в переулке. Все это происходило давно, но не верьте расхожим присказкам, что, мол, «было и быльем поросло». Прошлое впивается в тебя словно когтями, не оторвешь. Оглядываясь сейчас назад, я четко понимаю: вот уже двадцать шесть лет кряду я тайком наблюдаю за тем, что творится в переулке. И нет этому конца.

Этим летом мне позвонил из Пакистана мой друг Рахим-хан и попросил приехать. Я стоял в кухне, прижав к уху телефонную трубку, и признавал: это не простой звонок. Меня настигло прошлое, мои неискупленные грехи. Закончив разговор, я вышел прогуляться. Путь мой пролегал вдоль озера Спрекелс у северной границы парка «Золотые Ворота».[1 - Парк «Золотые Ворота» в Сан-Франциско – один из крупнейших парков в мире, с секвойевым лесом, лагунами и искусственными озерами, в числе которых и озеро Спрекелс.] Едва перевалило за полдень, солнечные лучи сверкали на поверхности озера, по воде пробегала легкая рябь. Свежий ветерок раздувал паруса игрушечных корабликов. В небе плыла пара красных воздушных змеев, их длинные голубые хвосты полоскались в воздухе. Люди, деревья, ветряные мельницы и прочая мелочь остались далеко внизу, и змеи величественно созерцали Сан-Франциско, город, который стал мне домом. И тут я услышал слова Хасана: «Для тебя хоть тысячу раз подряд». Голос мальчика с заячьей губой, который обожал запускать воздушные змеи и всегда первым прибегал к месту их приземления, отчетливо прозвучал у меня в голове.

Я присел на лавку под ивой, стараясь переварить слова, которыми Рахим-хан закончил разговор: «Тебе выпала возможность снова встать на стезю добродетели». Глядя на воздушных змеев, я думал о Хасане. Думал о Бабе. Об Али. Вспоминал Кабул. Вспоминал, как я жил, пока не настала зима 1975 года. Эта зима все изменила. И сделала меня таким, какой я есть.

В детстве мы с Хасаном частенько залезали на какой-нибудь из тополей, росших во дворе у дома моего отца, и пускали солнечные зайчики в окна соседям. С карманами, набитыми сушеными тутовыми ягодами и грецкими орехами, мы забирались высоко, садились каждый на свою ветку, свешивали ноги и по очереди ловили лучи осколком зеркала. Весело хихикая, мы набивали рты ягодами, кидались ими друг в друга. Так и вижу Хасана на дереве: солнечные лучи играют в листве, трепещут на его круглом лице, словно вырезанном из дерева, – плоский широкий нос, раскосые глаза, формой напоминающие бамбуковые листья (в зависимости от освещения глаза у Хасана становились то золотистыми, то зелеными, порой даже бирюзовыми). Вижу его маленькие приплюснутые уши и выпирающую косточку на подбородке, словно у китайца-кукольника соскользнул резец. А может быть, мастер просто устал и допустил небрежность.

Иногда, сидя на дереве, я подговаривал Хасана пухнуть из рогатки орехом в соседскую одноглазую немецкую овчарку. Хасан поначалу не соглашался, но если я просил, по-настоящему просил, он не мог мне отказать. Он всегда выполнял любую мою просьбу, а с рогаткой был просто неразлучен. Случалось, Али, отец Хасана, ловил нас на шалости и выходил из себя (насколько мог выйти из себя такой мягкий человек). Али грозил нам пальцем и велел немедленно слезать. На земле он отбирал у нас зеркальце и повторял слова своей матери: дьявол насылает в зеркала отблески, дабы отвлекать мусульман от молитвы. «И смеется при этом», – неизменно говорил он, с укоризной глядя на сына.

«Да, отец», – бормотал в ответ Хасан, потупившись. Но он ни разу меня не выдал. Ни разу не сказал, что это я всегда был зачинщиком всякой проказы и что страдания соседской собаки (да и солнечные зайчики тоже) – на моей совести.

Тополя росли вдоль вымощенного красным кирпичом проезда к нашему дому. Ворота из кованых железных прутьев открывались внутрь, во двор. Если смотреть с улицы, дом стоял по левую сторону, а в самом дальнем конце участка располагался задний двор.

Все соглашались, что особняк моего отца, моего Бабы, был самым красивым в Вазир-Акбар-Хане, новом богатом районе на севере Кабула.[2 - До войны Вазир-Акбар-Хан был респектабельным и очень спокойным районом Кабула, где

помимо домов состоятельных горожан располагались иностранные представительства.] А может, и во всем Кабуле. Обсаженный розами широкий проход вел к просторному дому с мраморными полами и широкими окнами. Узорчатые мозаичные панно для четырех ваннных комнат Баба заказывал в Исфагане. Купленные в Калькутте ковры, шитые золотом, украшали стены, со сводчатого потолка свисали хрустальные люстры.

Наверху располагались моя ванная, комната Бабы и его пропахший табаком и корицей кабинет, или «курительная». Здесь хозяин и гости отдыхали в кожаных креслах после обеда, поданного Али, курили и беседовали. Обыкновенно тем для разговоров было три: политика, бизнес, футбол. Мне всегда очень хотелось присоединиться к ним, но Баба не разрешал.

– Уходи немедленно, – говорил он мне, стоя на пороге кабинета. – Здесь взрослые беседуют. Иди почитай книжку.

И он захлопывал дверь, а я, гадая, смогу ли хоть когда-нибудь разделить компанию со «взрослыми», опускался на пол, поджимал колени к подбородку и сидел так час или два, подслушивая. До меня долетали громкие возгласы и взрывы смеха.

В гостиной на первом этаже, вдоль плавно изгибающейся стены, выстроились шкафчики, выполненные по индивидуальному заказу. За стеклянными дверцами скрывались семейные снимки в рамках, и среди них – зернистое фото моего деда и короля Мухаммеда Надир-шаха, снятое в 1931 году, за два года до покушения; дед и король стоят над убитым оленем, оба в ботинках до колен, ружья закинута за плечо. Имелась и свадебная фотография моих родителей: brave Баба в черном костюме и мама вся в белом, словно юная принцесса. А на этом снимке Баба у нашего дома со мной – совсем еще маленьким – на руках, рядом – его лучший друг и компаньон Рахим-хан, лица у всех серьезные, утомленные, даже мрачные. Пальцы мои вцепились в рукав Рахим-хану, а не отцу.

Изгиб стены тянулся до самой столовой, посередине которой стоял стол красного дерева. За этот стол свободно могли сесть тридцать гостей, что, кстати, и происходило чуть ли не каждую неделю, благо отец мой любил пиры. Панораму зала замыкал огромный мраморный камин, зимой в нем всегда пылал огонь.

Большая стеклянная сдвижная дверь вела на полукруглую веранду, окна веранды выходили на задний двор (целых два акра) и на вишневый сад. У восточной стены Баба и Али разбили небольшой огород: помидоры, мята, перец и высаженная в ряд кукуруза, которая почему-то никогда как следует не вызревала. Мы с Хасаном прозвали это место «стена чахлой кукурузы».

В южной части сада, в тени локвы, стоял дом слуг, скромная глинобитная хижина, где жили Али и Хасан.

Здесь, в этой лачуге, зимой 1964 года, ровно через двенадцать месяцев после того, как моя мама умерла, когда рожала меня, Хасан и появился на свет.

За все восемнадцать лет, прожитые в доме отца, я считанные разы бывал у Али и Хасана. Когда солнце пряталось за холмы и играм на сегодня наступал конец, Хасан и я расставались.

Я шагал меж розами к особняку отца, а Хасан скрывался в саманном домике, где родился и прожил всю свою жизнь. В слабом свете двух керосиновых ламп жилище поражало скудостью обстановки, чрезвычайным порядком и чистотой. Два тюфяка у противоположных стен, между ними старенький гератский ковер с обтрепанными краями, трехногая табуретка в углу у стола, за которым Хасан рисовал. Почти голые стены, только один коврик с вышитыми бисером словами «Аллах Акбар». Баба купил его для Али в одну из своих поездок в Мешхед.[3 - Мешхед – священный город шиитов, расположен на севере Ирана, на пересечении нескольких древних торговых путей; в Мешхеде находится грандиозная мечеть Гаухаршад, которая является святыней шиитов, и в город стекается множество паломников – до 11 миллионов ежегодно. Город возник на месте мученической смерти (по-арабски «машхад») 8-го шиитского имама Резы]

Здесь, в этой лачуге, Санаубар, мать Хасана, родила его холодным зимним днем 1964 года. Моя мама истекла кровью при родах. А Хасан потерял свою мать через неделю после того, как появился на свет. Тяжкая доля досталась в удел Санаубар, хуже смерти, как сказало бы большинство афганцев, – она сбежала с труппой бродячих певцов и танцоров.

Хасан никогда не упоминал о своей матери, будто ее и не было вовсе на свете. Думал ли он о ней, хотел ли, чтобы она вернулась, тосковал ли, как я тосковал по своей маме, которой никогда не видел?

Как-то мы пробирались в кинотеатр «Зейнаб» на новый иранский фильм коротким путем – через территорию казармы у средней школы «Истикляль». Баба запретил нам ходить этой дорогой, но он сейчас был в Пакистане вместе с Рахим-ханом. Мы перелезли через забор, перепрыгнули через ручей и оказались на грязном плацу, где пылились старые списанные танки. В тени одного из них сидела группа солдат, они курили и играли в карты. Один из служивых приметил нас, толкнул соседа и окликнул Хасана:

– Эй, ты! Я тебя знаю.

Коренастый, бритоголовый, черная щетина на щеках – мы никогда его прежде не видели. Его злобная ухмылка испугала меня.

– Не обращай внимания, – шепнул я Хасану. – Не останавливайся.

– Ты! Хазара![4 - Хазары (или хазарейцы) – тюркоязычный кочевой народ, история которого полна загадок. В настоящее время наиболее многочисленны хазарейцы в Афганистане, где их проживает более миллиона человек, в основном в центральной горной части (Хазараджат). В отличие от основного афганского населения, пуштунов, являющихся суннитами, хазарейцы исповедуют шиизм. Говорят хазарейцы на диалекте таджикского языка (хазараги). Хазарейцы долго сохраняли независимость, пока в 1892 году афганский эмир Абдуррахман не покорил Хазараджат.] Я с тобой говорю! Ну-ка, посмотри на меня! – рявкнул солдат, передал сигарету соседу, поднял руки, чтобы всем было видно, и принялся совать палец в кулак. Туда-сюда, туда-сюда. – Я был близко знаком с твоей матерью, знаешь? Ой как близко. Я поимел ее прямо у этого ручья.

Солдаты засмеялись. Один даже зашелся в визге.

– Какая у нее узенькая сладкая манда! – Скалясь, солдат пожимал руки товарищам.

В темноте кинозала, когда сеанс уже начался, Хасан закричал, и слезы покатались у него по щекам. Я обнял его, притиснул к себе. Хасан положил голову мне на плечо.

– Он тебя с кем-то перепутал, – прошептал я ему на ухо. – Он принял тебя за другого.

Мне говорили, что никто особенно не удивился, когда Санаубар сбежала. Люди изумлялись другому: как это Али, человек, наизусть знающий Коран, мог жениться на Санаубар, женщине моложе его на девятнадцать лет, красивой, но развратной и бессовестной, чья дурная репутация была вполне заслуженной. Правда, они с Али были шииты[5 - После смерти пророка Мохаммеда мусульмане разделились на суннитов (от арабск. ахль ассунна – люди сунны) и шиитов (от арабск. шиа – приверженцы). Первые считали, что после смерти пророка никто из людей не может исполнять роль посредника в отношениях с Богом. Божественную волю можно выявить, изучая Коран и сунны – сборники преданий о жизни пророка. Шииты же, напротив, утверждали: после смерти Мохаммеда посредником между Богом и людьми стал Али – двоюродный брат пророка, женатый на его единственной дочери. После убийства Али эта роль перешла сначала к его потомкам, а потом к духовенству, самые видные представители которого у шиитов носят титул аятоллы (знамение Бога). Сначала борьба между суннитами и шиитами шла с переменным успехом, но в конце концов шииты, уступавшие по численности своим оппонентам, потерпели поражение и на протяжении многих веков почти во всех мусульманских странах оставались дискриминируемым меньшинством. Единственной крупной страной, где им удалось прочно утвердиться, стал Иран.] и хазарейцы. К тому же она доводилась ему двоюродной сестрой, вроде бы выбор правильный. Только больше ничего общего между ними не было. Прекрасные зеленые глаза и веселое личико Санаубар многих мужчин ввели во грех. По крайней мере, так говорили. А у Али был врожденный паралич мимических мускулов, он не мог улыбаться, и его неподвижное лицо было словно высечено из камня. Только глаза смеялись или грустили. Говорят, глаза – зеркало души. Что правда, то правда, если речь идет об Али.

Своей походкой, одним движением бедер Санаубар пробуждала в мужчинах нечестивые мысли. Али же припадал на правую ногу, скрюченную и высушенную полиомиелитом. Как-то он взял меня с собой на базар. Мне было лет восемь. Шагая вслед за Али, я старался подражать его шаткой походке. Изуродованная правая нога совсем его не слушалась, просто чудо, что он ни разу не упал. Я и то чуть не свалился в придорожную канаву и захихикал при этом. Али обернулся, посмотрел на меня и ничего не сказал. Ни тогда, ни потом. Шел себе и шел.

Маленькие соседские дети боялись Али из-за его лица и походки. А вот с детьми постарше была просто беда. Когда он выходил, они увязывались за ним и дразнили как могли. Некоторые называли его Бабалу, страшилище. Эй, Бабалу, кого ты сегодня слопал? (Взрыв смеха.) Кого ты сожрал, плосконосый Бабалу?

У Али (как и у Хасана) были характерные для хазарейцев монголоидные черты лица, вот его и прозвали «плосконосый». «Они потомки монголов и смахивают на китайцев» – это все, что я знал тогда о хазарейцах. Школьные учебники упоминали о них походя и только в прошедшем времени. Но как-то в кабинете Бабы мне в руки попала старая матушкина книга иранского автора Хорами. Я сдул с нее пыль, взял с собой, чтобы почитать на сон грядущий, раскрыл и был потрясен, обнаружив, что народу Хасана, хазарейцам, посвящена целая глава. Оказалось, мы, пуштуны, исторически преследовали и угнетали хазарейцев, вот те и подняли в девятнадцатом веке бунт, который был «подавлен с неслыханной жестокостью». В книге говорилось, что мой народ перебил массу хазарейцев, продал в рабство их женщин, сжег их дома и изгнал с родных земель. В книге говорилось, что хазарейцы – шииты, и это одна из причин ненависти к ним суннитов-пуштунов. В книге было еще много такого, чему нас не учили в школе и о чем даже Баба никогда не упоминал. Ну а кое о чем я уже знал. Например, о том, что люди обзывают хазарейцев «пожирателями мышей», «плосконосыми» и «вьючными ослами». Соседские дети кричали эти гадкие слова вдогонку Хасану.

Как-то после занятий я показал эту книгу учителю. Он пролистнул несколько страниц, скривился и отдал мне книгу обратно.

– Единственное, что у шиитов хорошо получается, – сказал он, брезгливо морща нос при слове «шииты», будто упоминал о какой-то дурной болезни, – это мученическая смерть.

Санаубар, несмотря на принадлежность к одному с Али народу и связывающие их кровные узы, тоже любила насмехаться над мужем и прилюдно называла его уродом.

– И это муж? – фыркала она. – Старый осел был бы куда лучше.

В конце концов люди стали подозревать, что Али о чем-то договорился с дядей, отцом Са-наубар, а женитьба – просто часть договоренности. Ходил слухок, что он женился на двоюродной сестре, дабы восстановить доброе имя дяди. Хотя,

что скрывать, невелика честь. Какое уж там богатство у Али, сироты с пяти лет!

Али никогда не отвечал своим мучителям – отчасти, может быть, потому, что ему было за ними просто не угнаться. С его-то ногой! Но главное, что делало Али нечувствительным к оскорблениям, это сын, которого ему родила Санаубар. Все произошло предельно просто. Ни акушеров, ни анестезиологов, ни сложной аппаратуры, только нечистый голый тьюфак, Али и повитуха. Причем толку от повитухи было чуть. Всегда верный себе, Хасан был просто неспособен причинить боль другому человеку. Даже при собственных родах. Пара схваток, короткий всхлип – и Хасан появился на свет. С улыбкой на лице.

Как поведала соседскому слуге болтливая повитуха (а слуга затем оповестил всех и каждого), Санаубар бросила взгляд на новорожденного на руках у Али, увидела раздвоенную губу и горько расхохоталась:

– Вот тебе ребенок-дурачок, пусть теперь улыбается за тебя!

Она даже отказалась взять Хасана на руки, а через несколько дней исчезла.

Для Хасана Баба нанял ту же кормилицу, что годом раньше для меня. По словам Али, она была голубоглазая хазареянка из Бамиана, города, знаменитого гигантскими статуями Будды.

– Как замечательно она пела! – часто повторял Али.

– А что она пела? – спрашивали мы, хотя сами прекрасно это знали. Уж на этот счет Али нас просветил. Нам просто хотелось послушать, как поет сам Али.

Отец Хасана прочищал глотку и заводил:

На высокой горе я стоял

И выкликал имя Али, Божьего Льва.

О Али, Божий Лев, царь людей,

Приди и вдохни радость в наши опечаленные сердца.

Закончив петь, он неизменно напоминал нам о братстве между людьми, вскормленными одной грудью, о родственных узах, перед которыми бессильно даже время.

Меня и Хасана вскормила одна женщина. Свои первые шаги мы сделали на одной и той же лужайке на одном и том же дворе. И под одной крышей мы произнесли наши первые слова.

Я сказал: «Баба».

Он сказал: «Амир». Произнес мое имя.

Оглядываясь теперь назад, я вижу: эти наши первые слова заложили основы всего, что случилось зимой 1975 года. По ним все и исполнилось.

3

Предание гласило, что однажды в Белуджистане[6 - Белуджистан – историческая область в Азии, на юго-востоке Иранского нагорья. Сейчас Западный Белуджистан входит в состав Ирана, а Восточный – в состав Пакистана.] мой отец голыми руками задушил гималайского медведя. Если бы эту историю рассказывали о ком-то другом, в нее никто бы не поверил, ведь афганцы любят преувеличивать, это у нас уже превратилось в национальный недуг. Если кто-то говорит, что сын у него – доктор, вполне возможно, что этот самый сын всего лишь сдал когда-то экзамен по биологии в средней школе. Но насчет Бабы и тени сомнения ни у кого не возникало. Да и откуда же тогда у него взялись три параллельных шрама через всю спину? Много раз перед глазами у меня вставала картина смертельного поединка, но как я ни старался, не мог различить, где отец, а где медведь.

Это Рахим-хан первым назвал отца Туфан-ага – господин Ураган. Меткое прозвище прижилось. Отец и впрямь казался живым воплощением стихии, образцовым пуштуном. Копна непослушных каштановых кудрей, густая борода, ручищи, которые, казалось, легко могли вырвать с корнем молодое дерево, грозный взгляд, способный «заставить самого дьявола молить на коленях о

пощаде», как говаривал Рахим-хан. Стоило отцу (а росту в нем было под два метра) появиться на каком-нибудь многолюдном рауте, как все головы поворачивались за ним, словно подсолнухи за солнцем.

Даже во сне Баба громко заявлял о себе. Сколько раз я затыкал уши ватой и с головой накрывался одеялом, все равно храп Бабы – этот рык мощного двигателя – настигал меня. А ведь наши спальни разделял холл! Как мама могла спать с ним в одной комнате, осталось для меня загадкой. Если бы нам суждено было свидеться, я бы о многом ее расспросил. И насчет храпа тоже.

Где-то в конце шестидесятых (мне исполнилось пять или шесть лет) Баба решил построить приют для сирот. Рахим-хан рассказывал мне, что все чертежи Баба выполнил сам, хотя раньше никогда строительными проектами не занимался. Скептики уговаривали его бросить дурить и нанять профессионального архитектора. Баба, разумеется, отказался, и добрые люди только головой качали, порицая его за упрямство. Когда у него все получилось, опять последовало покачивание головами, только на этот раз в нем сквозило уважение. Баба не только построил двухэтажное здание невдалеке от реки Кабул, но и оплатил из своих средств все прочие расходы, связанные со строительством, лично рассчитался до гроша с каменщиками, электриками, водопроводчиками, не говоря уже о чиновниках из муниципалитета, ибо сказано: «не подмажешь – не поедешь».

На строительство приюта ушло три года. К тому времени мне исполнилось восемь, и я отчетливо помню торжественное открытие. Накануне мы с Бабой ездили на озеро Карга, что в нескольких километрах к северу от Кабула. Баба просил меня позвать и Хасана, но я наврал, что у Хасана понос, и он с нами не поехал. Мне хотелось побыть с Бабой наедине. К тому же мы уже были как-то втроем на озере, кидали камешки по воде, и плоский голыш Хасана срикошетил целых восемь раз, прежде чем утонул. У меня больше пяти раз не выходило. А Баба все видел, и похлопал Хасана по плечу, и даже обнял.

Мы расположились на берегу озера (только Баба и я) и устроили пикник – у нас с собой были яйца вкрутую и кофта – завернутые в лепешки нан [7 - Нан – дрожжевые лепешки, широко распространенные от Афганистана до Индии] тефтели из молотой баранины с маринованными овощами. На зеркальной глади водоема играло солнце, вода была темно-синяя. По пятницам кабульцы выезжают на озеро целыми семьями, но в середине недели кроме меня и Бабы да нескольких лохматых и бородатых туристов с удочками – я знал, что их

называют «хиппи», – на берегу не было ни души. Я спросил у Бабы, зачем они отрастили такие длинные волосы, но он только неразборчиво буркнул что-то в ответ, весь погруженный в написанную от руки завтрашнюю речь. С карандашом в руках Баба делал какие-то пометки. Я очистил яйцо и спросил Бабу, правду ли говорил в школе один мальчик, что если проглотишь яичную скорлупу, надо сразу же выблевать ее обратно. Баба опять промычал что-то невразумительное.

Я прожевал кусок лепешки. Желтоволосый турист рассмеялся чему-то и хлопнул другого туриста по спине. На противоположном берегу грузовик с ревом одолевал крутой подъем, от зеркала заднего вида разлетались зайчики.

– По-моему, у меня саратан, – сказал я. – Рак то есть.

Баба поднял голову от бумаг, зашелестевших от налетевшего ветерка, и сказал, что сода в багажнике и чтобы я сам пошел и взял ее.

На следующий день столько народу пришло на открытие, что стульев в приюте не хватило, и многим пришлось стоять. День был ветреный. Баба произносил торжественную речь с небольшого возвышения перед главным входом в новое здание, я сидел за спиной у отца. На Бабе был зеленый костюм и каракулевая шапка. Только он заговорил, как порыв ветра чуть было не сдернул с него шапку. Все засмеялись, а Баба повернулся ко мне и передал папаху, чтобы я подержал ее, пока он произносит речь. Я был счастлив, ведь теперь каждый увидел, что он мой отец, мой Баба.

– Надеюсь, этот дом будет основательнее сидеть на своем фундаменте, чем эта шапка на голове, – сказал в микрофон Баба, и все снова засмеялись.

Когда Баба закончил, все встали и захлопали. Аплодисменты долго не смолкали. Потом настал черед рукопожатий. Некоторые подходили ко мне, ерошили мне волосы и пожимали руку, как и отцу. Я гордился им. И нами.

И все-таки, несмотря на все успехи, в отношении людей к Бабе сквозило что-то вроде недоверия. Поговаривали, что бизнес – не его призвание, уж лучше бы он изучал право, как его отец. Ну тут Баба всем показал, как надо вести дела. Со временем он стал одним из самых богатых предпринимателей в Кабуле. Со своим партнером Рахим-ханом они создали процветающую компанию по экспорту ковров. Кроме того, им принадлежали две аптеки и ресторан.

Словно в ответ на насмешки, что ему никогда не найти себе достойную супругу, – сам Баба был происхождения незнатного – он взял в жены мою матушку, Софию Акрами, блестяще образованную женщину, преподавательницу классической персидской литературы в университете и, по общему мнению, одну из красивейших, достойнейших и добродетельнейших девушек Кабула. К тому же в ее жилах текла королевская кровь. Так что когда Баба шутливо представлял ее своим друзьям и врагам «моя принцесса», он имел на то все основания.

Разумеется, Баба старался изменить окружающий мир «под себя». Вот только со мной у него ничего не получалось. И конечно же, мир для него был черно-белым, причем Баба сам решал, что черное, а что белое. Такой человек внушает любовь и вместе с тем страх. А порой даже возбуждает ненависть.

В пятом классе начались занятия по исламу. Вел их мулла по имени Фатхуллахан, коренастый плотный человек с рябым лицом и хриплым голосом. Он толковал нам о пользе выплаты закята [8 - Закят, закат (арабск., буквально – очищение), религиозный «очистительный» налог у мусульман, взимание которого предписано в Коране, а размеры и правила обложения приведены в шариате. Закят предназначался на содержание пророка Мохаммеда и его семьи, для помощи нищим, путешественникам и участникам «священной войны». В феодальных мусульманских государствах закят взимался со скота, ремесла, торговых прибылей, наличных денег и драгоценностей. У современных мусульман закят – добровольное даяние мусульманскому духовенству.] и об обязанности совершить хадж, учил, как правильно совершать ежедневный пятикратный намаз, и заставлял вызубривать стихи из Корана, добиваясь с помощью розги, чтобы мы верно произносили арабские слова (хотя их значение оставалось для нас тайной), дабы они достигли ушей Аллаха. Как-то он просветил нас, что ислам считает пьянство великим грехом, за который пьяница ответит на Киямате, Судном дне. Надо сказать, в те дни в Кабуле выпивали многие, и никто не подвергал провинившихся публичной порке, хотя, конечно, на употребление алкоголя смотрели косо. Любители покупали бутылку виски, упакованную в оберточную бумагу, в качестве «лекарства» в известных им аптеках и, выходя на улицу, старались засунуть сверток подальше от посторонних глаз.

Придя в тот день домой, я поднялся наверх, в «курительную», и передал отцу слова законоучителя. Баба как раз наливал себе виски у бара в углу комнаты. Он выслушал меня, кивнул, отхлебнул из стакана, опустил на кожаный диван и

посадил меня к себе на колени – все равно что на два бревна. Затем сделал глубокий вдох и выдохнул через нос – его усы, казалось, трепетали целую вечность. Я уж и не знал, то ли обнять его, то ли испугаться и убежать.

– Вижу, то, чему сейчас учат в школе, тебя смутило, – наконец проговорил Баба басом.

– Но ведь если он сказал правду, получается, ты грешник, отец.

– Хм-м-м. – Баба раскусил кубик льда. – Хочешь знать, что твой отец думает насчет греха?

– Да.

– Я скажу тебе. Только запомни хорошенько, Амир, эти бородатые болваны никогда не научат ничему хорошему.

– Ты имеешь в виду муллу Фатхулла-хана? Баба повел рукой, в которой сжимал стакан.

Лед звякнул.

– Я имею в виду всех этих самодовольных обезьян, достойных лишь плевать в бороду.

Я представил себе, как Баба плюет в бороду обезьяне (хоть бы и самодовольной), и захихикал.

– Они способны только теревить четки и цитировать книгу, языка которой они даже не понимают. – Баба отпил глоток. – Не приведи Аллах, если они когда-нибудь дорвутся до власти в Афганистане.

– Но мулла Фатхулла-хан вполне приятный, – с трудом выдавил я, корчась от смеха.

– Чингисхан, говорят, тоже был приятным малым. Но довольно об этом. Отвечаю на твой вопрос о грехе. Ты слушаешь?

– Да, – сказал я и плотно сжал губы, стараясь сдержать смех. Но хихиканье прорывалось через нос.

Баба холодно посмотрел мне в глаза, и охота смеяться у меня сразу прошла.

– Хоть раз в жизни с тобой можно поговорить как мужчина с женщиной?

– Да, Баба-джан. – Слова отца больно задели меня. Такая минута – Баба нечасто говорил со мной, да еще посадив на колени, – а я своей дуростью все испортил.

– Отлично. – Баба отвел глаза в сторону. – Что бы ни говорил мулла, существует только один грех. Воровство. Оно – основа всех прочих грехов. Ты это понимаешь?

– Нет, Баба-джан. – Как мне хотелось постигнуть смысл слов отца и не разочаровывать его снова.

Баба раздраженно вздохнул – хотя вообще-то был человеком терпеливым. У меня заняло сердце. Сколько раз он являлся домой затемно, и я вынужден был обедать один и все спрашивал у Али, где отец и когда придет, хотя и так знал, что Баба пропадает на стройплощадке – ведь без хозяйского догляда никак нельзя. Вот где нужно терпение, и немалое. Я уже ненавидел сирот, для которых он строил приют, и желал, чтобы они померли вслед за своими родителями.

– Убийца крадет жизнь, – сказал Баба. – Похищает у жены право на мужа, отбирает у детей отца. Лгун отнимает у других право на правду. Жулик забирает право на справедливость. Понимаешь теперь?

Я понимал. Когда Бабе исполнилось шесть, в дом деда среди ночи забрался вор. Дед, уважаемый судья, встал на защиту имущества, но вор ударил его ножом в горло – и убил на месте, лишив Бабу отца. Горожане поймали вора в ту же ночь, им оказался приезжий из Кундуза. До утренней молитвы оставалось еще целых два часа, а преступника уже повесили на ветке дуба. Обо всем этом мне рассказал Рахим-хан, не Баба. Я всегда узнавал об отце что-то новое исключительно от посторонних людей.

– Ничего нет презреннее воровства, Амир, – сказал Баба. – Тот, кто берет чужое, даже под угрозой жизни или ради куска хлеба... Плюю на такого человека. И не приведи Господь, чтобы наши пути сошлись. Понимаешь меня?

Мысль о том, что сделал бы Баба с вором, попадись преступник ему в руки, восхитила и испугала меня.

– Да, Баба.

– Если где-то там есть Бог, у него наверняка найдутся дела поважнее, чем следить за мной: а вдруг я пью виски и закусываю свининой? А теперь слезай. Что-то у меня жажда разыгралась от всех этих разговоров про грех.

И он подошел в бару и налил себе еще стаканчик.

И когда теперь придет черед следующей задушевной беседы? Я всегда чувствовал нелюбовь со стороны Бабы. Это ведь из-за меня умерла его обожаемая жена. И если бы я хоть чуточку походил на него характером! Но я был совсем другой. И со временем эта разница только углублялась.

В школе мы частенько играли в «шержанд-жи», «битву стихов». Учитель фарси ввел свои правила, и все проходило примерно так: ты произносишь несколько строк, а твой противник должен был ответить тебе стихом, начинающимся с той же буквы, которой заканчивалась твоя цитата. Все хотели играть в одной команде со мной, ведь к одиннадцати годам я знал наизусть десятки стихов Омара Хайяма, Хафиза, Руми.[9 - Хафиз – знаменитый персидский поэт, умер в 1389 году; его гробница в иранском Ширазе – место паломничества; величайший лирик Востока, сочетающий глубокое и жизнерадостное мировоззрение и совершенство формы. На русском языке известен прежде всего в переводах Фета. Руми, Джалаледдин (1207–1273) – персоязычный поэт-суфий. Наибольшую славу принесла Руми созданная в последние годы жизни поэма «Месневи и манави». Свои теоретические положения Руми иллюстрировал притчами, заимствованными из фольклора народов Востока.] Однажды я бросил вызов всему классу и выиграл. Когда я радостно рассказал о своей победе Бабе, тот только пожал плечами и буркнул: «Молодец».

Утешение я находил в книгах покойной матери и в играх с Хасаном. Я глотал все подряд: Руми, Хафиз, Саади,[10 - Саади (1203–1292) – персидский поэт-классик, автор произведений в жанре мудрых рассуждений, ставших образцом этого популярного направления в персидской классической литературе. Самые знаменитые произведения Саади – «Бустан» (1257) и «Гулистан» (1258).] Виктор Гюго, Жюль Верн, Марк Твен, Ян Флеминг. Перечитав все тома из матушкиной библиотеки – кроме трудов по истории, они казались мне скучными, поэмы и романы другое дело, – я стал тратить свои карманные деньги на книги. Часть матушкиных книг лежала в картонных коробках – там нашлось место и для моих приобретений из книжной лавки у «Кино-парка».

Быть мужем любительницы поэзии – это одно, но быть отцом мальчишки, который только и сидит, уткнув нос в книгу... нет, не таким Баба представлял себе своего сына. Настоящие мужчины не увлекаются поэзией и уж тем более не сочиняют стихов, Боже сохрани! Настоящие мужчины – когда они еще мальчишки – играют в футбол, вот как Баба в юности. Футбол и сейчас оставался его страстью. Когда в 1970 году проходил чемпионат мира, Баба приостановил строительные работы и на месяц укатил в Тегеран смотреть матчи по телевизору. Своего-то телевидения в Афганистане тогда еще не было. В надежде разбудить во мне вкус к игре Баба записывал меня в различные футбольные команды. Только в игре на меня было жалко смотреть. На своих ножках-спичках я бессмысленно метался по полю, путался под ногами, орал: «Я свободен», отчаянно махал рукой, но никогда не получал пас. И чем больше я старался, тем меньше на меня обращали внимание товарищи по команде.

Но Баба не сдавался. Когда стало окончательно ясно, что ни крупницы его силы и ловкости я не унаследовал, отец решил сделать из меня ярого болельщика. Уж на это-то я сгожусь, ничего сложного тут нет. И я притворялся как мог – радовался вместе с ним, когда кабульцы забили кандагарцам, и вопил «судью на мыло», когда в наши ворота назначили пенальти. Однако Баба чувствовал, что интерес мой – деланный, и в конце концов смирился с тем, что ни игрока, ни настоящего болельщика из его сына не получится.

Помню, однажды Баба взял меня на ежегодный турнир по бозкаши (козлодранию), который всегда проходит в первый день весны, первый день нового года. Бозкаши – национальная страсть афганцев. Чапандаз – мастер-наездник, которому покровительствуют богатые спонсоры, – выхватывает из гущи схватки тушу козла и пускается вскачь вокруг стадиона, чтобы вбросить козла в специальный круг, а все прочие участники всячески стараются ему

помешать: толкают, цепляются за тушу, хлещут всадника кнутом, бьют кулаками. Их цель – добиться, чтобы он выронил козла. Толпа вопила, в толкотне и пылище воинственно визжали всадники, под копытами дрожала земля. Мы сидели на самом верху стадиона, а под нами летели по кругу состязающиеся, и пена обильно срывалась с лошадиных морд и шлепалась на землю.

Тут Баба указал мне на кого-то на трибуне:

– Амир, видишь вон того человека, со всех сторон окруженного людьми?

– Да.

– Это Генри Киссинджер.

– Ах, вот это кто.

Я понятия не имел, кто такой Генри Киссинджер, и собирался спросить. Но в этот момент, к моему несказанному ужасу, чапандаз свалился с седла прямо под лошадиные копыта. Под ударами тело его закувыркалось в воздухе словно тряпичная кукла, упало на землю (соперники проскакали дальше), дернулось и застыло. Руки-ноги несчастного были неестественно выгнуты, песок потемнел от крови.

Я зарыдал.

Всю дорогу домой я проплакал. Помню, как Баба вцепился в руль, и пальцы его то сжимались, то разжимались. Никогда не забуду отвращения на его лице, которое он не смог скрыть. Как ни старался.

Позже, ближе к вечеру, я проходил мимо кабинета отца и услышал голоса. Отец беседовал о чем-то с Рахим-ханом.

Я приложил ухо к закрытой двери.

– ...Слава богу, у него все в порядке со здоровьем, – сказал Рахим-хан.

– Конечно. Но он вечно сидит уткнувшись в книгу или с мечтательным видом слоняется по дому.

– И что же?

– Я был не такой. – Слова Бабы прозвучали мрачно и зло.

Рахим-хан рассмеялся:

– Дети – не книжки-раскраски. Их не выкрасишь в любимый цвет.

– Говорю же тебе, я был совсем другой. И дети, среди которых я рос, были не такие.

– Знаешь, ты такой эгоцентрик иногда, – произнес Рахим-хан. Из числа наших знакомых он был единственный, кто мог позволить себе сказать Бабе такое.

– Это здесь ни при чем.

– Да неужто?

– Да.

– В чем же тогда дело?

Диван под Бабой заскрипел. Я закрыл глаза и еще теснее прижал ухо к двери.

– Иногда я гляжу в окно, как он играет на улице с соседскими детьми. Они командуют им, отнимают игрушки, толкают, пинают. А он никогда не даст сдачи.

– Он просто мягкий человек.

– Я не об этом, Рахим, ты прекрасно знаешь, – рявкнул Баба. – В этом мальчике как будто чего-то нет.

– В нем нет низких побуждений.

– Самозащита – не низость. Знаешь, что всегда происходит, когда соседские мальчишки задразнивают его? Появляется Хасан и прогоняет их. Я это видел собственными глазами. А когда я его дома спрашиваю, почему у Хасана лицо поцарапано, Амир отвечает: «Упал». Рахим, в нем точно нет чего-то важного.

– Позволь уж ему определиться самому.

– И где он окажется? – спросил Баба. – Из мальчика, который не может постоять за себя, вырастет мужчина, на которого нельзя будет положиться ни в чем.

– Ты, как обычно, все упрощаешь.

– Не думаю.

– Ты боишься, что не сможешь ему передать свой бизнес, вот и злишься.

– Вот уж упрощение так упрощение! – захохотал Баба. – Я знаю, вы любите друг друга, и очень этому рад. Меня зависть берет, но я рад. Вот что я хочу сказать. Хорошо бы рядом с ним был человек, который бы его... понимал. Бог свидетель, я его не понимаю. И кое-что в Амуре меня ужасно тревожит. Мне трудно выразить, что именно... (Перед глазами у меня так и встал образ отца, подыскивающего нужные слова. Хоть он и понизил голос, я все отчетливо слышал.) Если бы жена не родила его у меня на глазах, я бы не поверил, что он мой сын.

На следующее утро, накрывая мне к завтраку, Хасан спросил, чем я расстроен.

– Отстань! – заорал я.

Насчет низости Рахим-хан ошибался.

В 1933 году, когда родился Баба, а на трон сел Захир-шах, правивший потом Афганистаном целых сорок лет, двое молодых людей – два брата из богатой и уважаемой кабульской семьи – накурились как-то гашиша, от души угостились французским вином и отправились покататься на отцовском «форде-родстере». На пагманском шоссе они задавили двух хазарейцев – мужа и жену. Виновники происшествия с раскаянием на лицах и пятилетний хазарейский мальчик, оставшийся сиротой, предстали перед судом. Судьей был мой дед – уважаемый человек с безупречной репутацией. Выслушав дело и ознакомившись с прошением о помиловании, поданным отцом молодых людей, дед вынес решение: год принудительной воинской службы в Кандагаре. У обоих имеется официальное освобождение от призыва? Аннулируется. Отец семейства, конечно, протестовал, но как-то вяло, и все в конце концов согласились, что лихачей постигло наказание хоть и суровое, но справедливое. Сироту же судья взял к себе в дом, наказав прочим слугам обучить мальчика, чему следует, но не обижать.

В детстве Али и Баба были товарищами по играм (пока полиомиелит не изуродовал Али ногу) – совсем как я и Хасан, следующее поколение. Баба любил рассказывать о проказах, которые они учиняли вместе, но Али всегда только головой качал.

– Ага-сагиб, вы им лучше скажите, кто был заводилой, а кто – простым исполнителем?

Баба в ответ лишь смеялся и обнимал Али за плечи.

Так-то оно так. Только ни разу он не назвал Али своим другом.

Странное дело, я ведь в глубине души тоже не считал Хасана другом в обычном смысле слова. Неважно, что мы сообща учились ездить на велосипеде «без рук» или на пару сооружали фотоаппарат из картонной коробки. Неважно, что зимой мы с Хасаном вместе запускали воздушных змеев чуть ли не каждый день. Да, тонкокостная фигурка бритоголового мальчика с низко посаженными ушами и вечной улыбкой на изуродованных губах в некотором роде олицетворяла для меня Афганистан, ну и что? Все это бледнело перед лицом исторических и религиозных предрассудков. В конце концов, я пуштун, а он хазареец, я суннит, а он шиит. И никуда тут не денешься. Никуда.

С другой стороны, национальность национальностью, религия религией, но мы с пеленок были неразлучны. Двенадцать лет бок о бок – немалый срок. Иногда все мое детство представляется мне долгим разомлевающим летним днем. И Хасан неизменно рядом со мной. Двор, тень от деревьев, мы играем в догонялки, в прятки, в полицейских и воров, в ковбоев и индейцев, ловим и изучаем насекомых – как-то раз даже умудрились выдернуть жало у осы и обвязать бедняжку ниткой, чтобы она не смогла от нас никуда улететь.

Иногда через Кабул караванами проходили кучи – кочевники, направляющиеся на север, в горы. Заслышав приближающееся блеяние овец, меканье коз, звяканье колокольчиков на шеях верблюдов, мы выбегали на улицу, глазели на обветренные лица пропыленных мужчин, на яркие платки, на серебряные браслеты на руках и ногах у женщин, кидали камешки в коз, брызгали водой в мулов. По моему наущению Хасан усаживался на «стену чахлой кукурузы» и стрелял из рогатки в шествовавших мимо верблюдов.

На первый в моей жизни вестерн я ходил вместе с Хасаном. В «Кино-парке» (напротив которого находилась моя любимая книжная лавка) мы посмотрели «Рио Браво» с Джоном Уэйном. Помню, как я просил Бабу взять нас с собой в Иран, чтобы мы могли встретиться с Уэйном. Баба разразился громовым хохотом, а когда к нему вернулся дар речи, объяснил нам, что такое дубляж. Мы с Хасаном были поражены. Просто потрясены. Оказалось, Джон Уэйн не говорит на фарси. И он вовсе не иранец! Он американец, как вся эта волосатая добродушная публика, что шляется по Кабулу в драных разноцветных рубашках. «Рио Браво» мы смотрели трижды, а «Великолепную семерку», наш любимый вестерн, тринадцать раз, и на каждом сеансе плакали, когда мексиканские ребята хоронят Чарльза Бронсона – тоже не иранца, как выяснилось.

Мы гуляли по затхлым базарам в квартале Шаринау или в новом районе Вазир-Акбар-Хан и обсуждали фильмы, пробираясь сквозь толпу, ловко лавируя между торговцами и нищими, прошмыгивая мимо прилавков, доверху заваленных товарами. Баба выдавал нам по десять афгани в неделю на карманные расходы, и мы тратили деньги на теплую кока-колу и на розовое мороженое, посыпанное молотыми фисташками.

Когда начинались занятия в школе, распорядок дня был твердый. Утром, пока я раскачивался, Хасан успевал умыться, совершить намаз вместе с Али и накрыть мне к завтраку: на обеденном столе меня ждал горячий черный чай, три кусочка сахара и подрумяненный хлеб с кисловатым вишневым вареньем (моим

любимым). Пока я ел и жаловался, какое трудное задали домашнее задание, Хасан заправлял мою постель, чистил мне ботинки, укладывал книги и карандаши, гладил одежду, напевая про себя старые хазарейские песни. Потом мы с Бабой садились в черный «форд-мустанг» и катили в школу, провожаемые завистливыми взглядами, – точно на такой же машине Стив Маккуин разъезжал в «Буллите», фильме, который в одном кинотеатре уже шесть месяцев не сходил с экрана. Хасан оставался дома и вместе с Али хлопотал по хозяйству: стирал и развешивал во дворе белье, подметал полы, ходил на базар за свежим хлебом, мариновал мясо на обед, поливал газон.

Владение моего отца находилось у южного подножия холма, напоминавшего по форме перевернутую чашу. Когда занятия в школе заканчивались, мы с Хасаном частенько брали с собой книжку и поднимались на вершину холма. За изъеденной снегами и дождями низкой каменной стеной тут раскинулось старое заброшенное кладбище, усеянное безымянными надгробиями и заросшее кустарником. Сразу за ржавыми железными воротами росло гранатовое дерево. Как-то я взял у Али с кухни нож и вырезал на стволе граната: «Амир и Хасан – повелители Кабула», как бы официально подтверждая, что дерево – наше. Мы срывали с него кроваво-красные плоды, насытившись, вытирали руки о траву, и я читал Хасану вслух.

Хасан сидел поджав ноги, свет и тень играли на его лице. Слушая меня, он машинально выдергивал из земли травинки и отбрасывал прочь. Хасан, как и Али, как и большинство хазарейцев, читать и писать не умел. Никто и не собирался учить его наукам – зачем слуге образование? Но вопреки своей неграмотности – а быть может, благодаря ей – Хасана захватывали книжные слова, он был очарован тайным миром, для него закрытым. Я читал ему стихи и прозу, одно время читал даже загадки, но скоро бросил, когда оказалось, что он разгадывает их куда быстрее меня. Зато в историях о злоключениях бедолаги Муллы Насреддина и его ишака материала для интеллектуального состязания не было.

Больше всего мне нравилось, когда попадалось слово, значения которого Хасан не знал. Пользуясь его невежеством, я не упускал случая посмеяться над ним. Как-то раз, когда я читал ему что-то про Муллу Насреддина, он прервал меня:

– Что значит это слово?

– Какое?

– «Кретин».

– Ты что, не знаешь? – ухмыльнулся я.

– Нет, Амир-ага.

– Да его ведь употребляют все кому не лень!

– А я его не знаю.

Если он и уловил издевку в моих словах, то виду не подал.

– Это слово известно всем в моей школе. «Кретин» – значит сообразительный, умный. Я так называю тебя. Если хотите знать мое мнение, говорю я людям, Хасан – настоящий кретин.

– Ага. Вот оно что.

Потом меня всегда мучила совесть, и я, стремясь искупить свой грех, дарил ему свою старую рубашку или поломанную игрушку. Себя я старался убедить, что это вполне достаточное вознаграждение за безобидную проделку, невольной жертвой которой стал Хасан.

Любимой книгой Хасана была эпическая поэма «Шахнаме» («Книга о царях»), сложенная в десятом веке и повествующая о древних персидских героях.[11 - «Шахнаме» – общее название прозаических и стихотворных сводов мифов и исторических хроник персидских народов. Самый значительный из них – знаменитая поэма великого персидского поэта Фирдоуси, писать которую начал другой персидский поэт – Дакики. От остальных сводов сохранились лишь фрагменты. «Шахнаме» начали составлять в III–VI веках на среднеперсидском языке, в VIII–IX веках – переводить на арабский язык, но эти тексты до нашего времени не дошли. В X веке на их основе были созданы своды на фарси.] Он был без ума от царей стародавних времен, от Феридуна, Золя и Рудабе. Но больше всего ему нравилась история о Рустеме и Сохрабе. Рустем, великий воин на быстроногом скакуне Рехше, смертельно ранит в битве доблестного Сохраба, и тут оказывается, что Сохраб – его пропавший сын. Сраженный горем, Рустем слышит предсмертные слова сына.

Когда таким Рустема увидал
Сохраб – на миг сознание потерял.
Сказал потом: «Когда ты впрямь отец мой,
Что ж злобно так ускорил ты конец мой?
“Кто ты?” – я речь с тобою заводил,
Но я любви в тебе не пробудил.
Теперь иди кольчугу расстегни мне.
Отец, на тело светлое взгляни мне.
Здесь, у плеча, – печать и талисман,
Что матерью моею был мне дан.
Когда войной пошел я на Иран
И загремел походный барабан,
Мать вслед за мной к воротам поспешила
И этот талисман твой мне вручила.
“Носи, сказала, втайне! Лишь потом
Открой его, как встретишься с отцом”».
Рустем свой знак на сыне увидал
И на себе кольчугу разодрал.
Сказал: «О сын, моей рукой убитый,
О храбрый лев мой, всюду знаменитый!»
Увы! Рустем, стеная, говорил,
Рвал волосы и кровь, не слезы, лил.
Сказал Сохраб: «Крепись! Пускай ужасна
Моя судьба, что слезы лить напрасно?

Зачем ты убиваешь сам себя,

Что в этом для меня и для тебя?

Перевернулась бытия страница,

И, верно, было так должно случиться!..» [12 - Перевод С. Липкина.]

– Прошу тебя, Амир-ага, прочти еще раз, – говорил обычно Хасан, и порой даже слезы блестели в его глазах.

Мне всегда было интересно, кого он оплакивает: сыноубийцу Рустема, раздирающего на себе одежду и посыпающего голову пеплом, или умирающего Сохраба, который обрел отца перед самой смертью. Лично я не видел никакой трагедии в судьбе Рустема. В конце концов, наверное, каждый отец тайно желает смерти своему сыну.

1973 год. Июль месяц. Мы на старом кладбище. Я читаю Хасану какую-то книгу и ни с того ни с сего вдруг начинаю сочинять за автора. Страницы-то я перелистываю регулярно, но излагаю свое, а не напечатанное. Хасан этого не замечает. Ведь для него каждая страница – непостижимая тайнопись, ключ от которой в моих руках. Только я могу провести его по лабиринту. Закончив, я спрашиваю Хасана, как ему рассказ. Он аплодирует в ответ, и меня разбирает смех.

– Ты что? – с трудом выдавливаю я.

– Давно мне не было так интересно. – Он продолжает хлопать в ладоши.

Смех вырывается у меня наружу.

– Правда?

– Честное слово.

– Это очаровательно, – бормочу я. Вот уж сюрприз так сюрприз. – Ты серьезно?

– Замечательный рассказ, Амир-ага. Прочти мне завтра еще что-нибудь из этой книги.

– Очаровательно, – повторяю я, и у меня перехватывает дыхание, словно я нашел клад у себя во дворе.

Мы спускаемся по склону, и в голове у меня вспыхивает и грохочет настоящий фейерверк. «Давно мне не было так интересно», – сказал Хасан. А ведь я уже прочел ему целую кучу историй.

Хасан о чем-то меня спрашивает.

– Что? – не понимаю я.

– А что такое «очаровательно»?

Я смеюсь, сжимаю его в объятиях и целую в щеку.

– За что? – краснеет Хасан. Дружески пихаю его в бок и улыбаюсь.

– Ты настоящий принц, Хасан. Ты принц, и я обожаю тебя.

В тот же вечер я написал свой первый рассказ. За тридцать минут. Получилась мрачная сказка про бедняка, который нашел волшебную чашку. Если в нее поплакать, каждая слезинка обращалась в жемчужину. Но, несмотря на свою бедность, мой герой был веселый человек и плакал очень редко. Чтобы разбогатеть, ему пришлось искать поводы для грусти. Чем выше росла куча жемчужин, тем большая жадность охватывала счастливчика. Рассказ кончился так: герой сидит на целой горе жемчуга и безутешно рыдает, слезы каплют в чашку. В руке у него кухонный нож, а у ног – труп зарезанной жены.

Зажав в руке две исписанные странички, я поднялся в кабинет к Бабе. У него в гостях был Рахим-хан, они курили трубки и прихлебывали бренди.

– Что это у тебя такое, Амир? – осведомился Баба, сладко потягиваясь.

Голубой дым окутывал его. От одного взгляда его блестящих глаз у меня в горле пересохло. Я откашлялся и возвестил, что написал рассказ.

Баба кивнул, вежливо улыбнулся и рек:

– Очень хорошо.

И больше ничего не сказал, только смотрел на меня сквозь клубы дыма.

Я застыл на месте. Простоял я так, наверное, меньше минуты, только минута эта до сих пор кажется мне вечностью. Секунды падали редко-редко, их разделяла пропасть. Сырой воздух сгустился вокруг меня, стало трудно дышать. Баба не сводил с меня глаз и не изъявлял ни малейшего желания ознакомиться с творчеством сына.

Как всегда, меня спас Рахим-хан. Он протянул руку и наградил меня улыбкой, в которой не было ничего деланно-вежливого.

– Будь любезен, Амир-джан, дай мне свой рассказ. Мне просто не терпится прочесть.

Баба почти никогда не добавлял ласкового «джан» к моему имени.

Отец пожал плечами и поднялся с места. Похоже, Рахим-хан и его вызволил из неловкого положения.

– Да, передай свою работу Рахиму-кэка. Пойду к себе, мне еще надо переодеться.

Где те времена, когда я готов был молиться на Бабу? Сейчас я готов был вскрыть себе вены и истечь кровью. Поганой кровью, унаследованной от него.

Через час, когда уже смеркалось, друзья отправились на машине отца на какой-то раут. На пути к выходу Рахим-хан присел передо мной на корточки, протянул мне мой рассказ и еще какой-то сложенный листок, улыбнулся и сказал:

– Это тебе. Потом прочтешь.

Помолчав, он сказал еще кое-что. Всего одно слово, но оно вдохновило меня на писательский труд больше, чем самые цветистые комплименты издателей.

Это было слово:

– Браво.

Потом, когда они ушли, я сидел на кровати и горько жалел, что Рахим-хан – не отец мне. Я представил Бабу с его неохватным торсом, его крепкие объятия, и запах одеколона по утрам, и колючую бороду. И вдруг ощутил такую вину перед ним, что мне стало плохо.

В туалете меня вырвало.

Ночью, свернувшись клубком в постели, я вновь и вновь перечитывал записку Рахим-хана.

Амир-джан,

Мне чрезвычайно понравился твой рассказ. Машалла [13 - Слава Богу (арабск.)], Аллах наградил тебя особым талантом. Теперь твой долг развить его, ибо тот, кто растратит зря Божий дар, подобен ослу. Свой рассказ ты написал совершенно грамотно и стилистически своеобразно. Но больше всего меня удивило, что в нем присутствует ирония. Возможно, это слово тебе еще не знакомо. Однажды ты поймешь его смысл. Пока скажу только, что многие писатели всю свою жизнь стараются внести в свое творчество иронию, и не у всех выходит. У тебя получилось уже в первом рассказе.

Моя дверь всегда открыта для тебя, Амир-джан. Любой твой рассказ будет мне в радость. Браво.

Твой друг Рахим.

Вдохновленный словами Рахим-хана, я схватил листочки и помчался вниз, где в вестибюле на тюфяке спали Али и Хасан. Им полагалось ночевать в господском

доме только в отсутствие Бабы, чтобы я оставался под присмотром Али. Я принялся трясти Хасана за плечо и, когда он проснулся, сообщил, что хочу прочитать ему рассказ.

Он протер заспанные глаза и потянулся.

– Прямо сейчас? А сколько времени?

– Неважно сколько. Это особенный рассказ. Я сам его написал.

Лицо Хасана осветила радость.

– Тогда я должен послушать. – Он уже сбрасывал с себя одеяло.

Мы прошли в гостиную к мраморному камину. Уж сейчас-то я читал слово в слово, ничего не добавляя от себя, ведь автор был я сам! Хасан – прекрасный слушатель – весь погрузился в фабулу, лицо его менялось в зависимости от тональности повествования. Когда я прочел последнюю фразу, он тихонько хлопнул в ладоши.

– Машалла, Амир-ага. Браво!

– Тебе правда понравилось? – Я смаковал уже второй положительный отзыв.

– Когда-нибудь, Иншалла,[14 - Бог даст (арабск.).] ты будешь великим писателем, – сказал Хасан. – Твои рассказы будут читать люди во всем мире.

– Ты преувеличиваешь, Хасан. – Я глядел на него с обожанием.

– Нет. Ты будешь великим и знаменитым. – Он смущенно откашлялся. – Только можно мне задать тебе один вопрос?

– Да, конечно.

– Вот что... – Он остановился на полуслове.

– Давай же, Хасан, – ободряюще улыбнулся я, хотя на душе у меня почему-то кошки заскребли.

– Вот что. Этот человек – зачем он убил свою жену? Чтобы ему стало грустно и он заплакал? А не проще ли было просто понюхать лук?

Я был потрясен. Как я сам не догадался! Надо же было написать такую глупость! Губы мои беззвучно шевельнулись. В один день мне суждено было ознакомиться сразу с двумя характерными чертами писательского ремесла.

Ирония, раз. Сюжетная нестыковка, два.

И кто преподавал мне урок? Хасан. Мальчишка, не умеющий читать и писать.

Холодный злой голос зашептал мне на ухо: «Да что он может знать, этот неграмотный хазарец? Из него выйдет в лучшем случае повар! Как он смеет критиковать тебя?»

– Вот что... – начал я. И не закончил.

Афганистан вдруг изменился. Раз и навсегда.

5

Послышались громовые удары. Земля вздрогнула. Раздались автоматные очереди.

– Папа! – вскричал Хасан.

Мы вскочили на ноги и бросились вон из гостиной. Али, отчаянно хромая, спешил к нам через вестибюль.

– Папа! Что это гремит? – взвизгнул Хасан, протягивая к Али руки.

Тот обнял нас обоих и прижал к себе. На улице полыхнуло, небо сверкнуло серебром. Еще вспышка. Беспорядочная стрельба.

– Охота на уток, – прохрипел Али. – Ночная охота на уток. Не бойтесь.

Вдали завывала сирена. Где-то со звоном разбилось стекло. Кто-то закричал. С улицы донеслись встревоженные голоса людей, вырванных из сна. Наверное, они выскочили из дома, как были, в пижамах, с растрепанными волосами и заспанными лицами. Хасан заплакал. Али нежно и крепко стиснул его в объятиях. Уже потом я убедил себя, что никакой зависти к Хасану я тогда не испытал. Ну ни капельки мне не было завидно.

Так мы и жались друг к другу до самого рассвета. И часа не прошло, как взрывы и выстрелы стихли, но мы успели перепугаться до смерти. Еще бы. Ведь уличная пальба была для нас в новинку. Поколение афганских детей, для которых бомбежки и обстрелы стали жестокой повседневностью, еще не родилось. Мы и не догадывались, что всей нашей прежней жизни настал конец. Хотя окончательная развязка придет позже: будут еще и коммунистический переворот в апреле 1978-го, и советские танки в декабре 1979-го. Танки проедут по тем самым улицам, где мы с Хасаном играли, и убьют тот Афганистан, который я знал, и положат начало кровопролитию, длящемуся по сей день.

На заре во двор въехала машина Бабы. Хлопнула дверца, на лестнице слышались быстрые шаги, и в гостиную ворвался отец. Лицо у него было чужое, испуганное. Никогда прежде я не видел отца в страхе.

– Амир! Хасан! – Баба раскинул руки. – Все дороги заблокированы, телефон отключен. Я так волновался!

Он обнял нас, и какое-то безумное мгновение я был даже рад всему, что случилось сегодня ночью.

Подробности выяснились позже.

На уток-то никто не охотился. 17 июля 1973 года никого не подстрелили. Просто утром, когда Кабул проснулся, оказалось, что монархии больше нет. Король Захир-шах находился с визитом в Италии. В отсутствие короля его двоюродный брат Дауд Хан организовал бескровный переворот. Сорокалетнее правление

монарха закончилось.

На следующее утро мы с Хасаном притаились у дверей кабинета Бабы. Отец и Рахим-хан пили черный чай и слушали «Радио Кабул».

– Амир-ага, – прошептал Хасан.

– Что?

– Что такое «республика»? Я пожал плечами:

– Понятия не имею.

Приемник в кабинете только и трещал: «Республика, республика».

– Амир-ага?

– Да?

– А вдруг «республика» значит, что мне с отцом придется убираться вон?

– Не думаю, – прошептал я в ответ. Хасан задумался.

– Амир-ага?

– Ну что?

– Я не хочу, чтобы меня с отцом выгнали прочь.

Я улыбнулся:

– Да успокойся ты, осел. Никто вас не прогонит.

– Амир-ага?

– Что?

– Не хочешь забраться на наше дерево?

Моя улыбка стала шире. В этом был весь Хасан. Он всегда умел вовремя сказать нужные слова, сменить тему разговора – а то радио уже надоело. И вот он отправился к себе в лачугу захватить нужные вещи, а я помчался в свою спальню за книгой. На обратном пути я заглянул на кухню, набил карманы кедровыми орешками и выбежал во двор. Хасан уже поджидал меня. Мы вышли через главные ворота и направились к холму.

Камень угодил Хасану в спину, когда мы уже оставили позади жилые дома и шагали по пустырю. Мы резко обернулись – и сердце у меня упало. К нам направлялся Асеф с двумя своими приятелями – Вали и Кармалем.

Асеф был сыном Махмуда, одного из приятелей моего отца, пилота гражданских авиалиний. Его семья жила в нескольких кварталах от нас в модном жилом комплексе, спрятавшемся за высокой стеной, из-за которой торчали верхушки пальм. Про кастет из нержавеющей стали, который всегда был при Асефе, знал каждый мальчишка в Вазир-Акбар-Хане, и хорошо еще, если не на личном опыте. Рожденный от матери-немки, голубоглазый и светловолосый Асеф ростом был выше любого своего сверстника и славился невероятной жестокостью. В сопровождении верных дружков он обходил окрестности, словно хан свои владения, казнил и миловал. Как скажет, так и будет, а чуть что не по нему, в ход шел кастет. Я сам видел, как Асеф избил какого-то мальчишку до потери сознания, было это в районе Карте-Чар. Без кастета, само собой, не обошлось. Помню, как горели при этом глаза Асефа и как что-то безумное мелькало в них. В своем районе Асефа за спиной прозвали Гушхор, «пожиратель ушей», но никто не осмеливался назвать его так в лицо, все помнили, откуда взялось это прозвище. Один такой смельчак как-то победил Асефа в воздушном бою змеев – и потом выуживал из грязи собственное правое ухо. Многие годы спустя я нашел в английском языке определение для личности Асефа – «социопат». На фарси точного соответствия этому слову нет.

Из всех тех мальчишек, что дразнили Али, самым безжалостным был Асеф. Это он первый обозвал Али «Бабалу». «Эй, Бабалу, кого ты слопал сегодня? А? Ну-ка, Бабалу, улыбнись нам!» А когда Асеф был в настроении, то подбирал слова пообиднее: «Эй, плосконосый Бабалу, кого ты сожрал сегодня? Расскажи нам, косоглазый ишак!»

И вот он идет к нам, руки в карманах, кроссовки шаркают по земле, вздымая пыль.

– Доброе утро, кунис! – издалека приветствовал нас Асеф. «Козлы» то есть, его любимое ругательство.

Вся троица подошла поближе. Хасан попробовал спрятаться за меня. Парни остановились, здоровенные молодцы в футболках и джинсах. Асеф – самый высокий – скрестил руки на груди и свирепо ухмыльнулся. Мне в который уже раз показалось, что у него не все дома. В голове также мелькнуло, что мне повезло с отцом: Асеф пока не слишком мне досаждал исключительно потому, что боялся Бабу.

Блондин вздернул подбородок в сторону Хасана:

– Эй, плосконосый. Как поживает Бабалу?

Хасан ничего не ответил, только сделал еще шаг назад.

– Новости слышали, ребятки? – спросил Асеф, по-прежнему скаля зубы. – Короля больше нет. Скатертью дорога! Да здравствует президент! Кстати, Амир, ты в курсе, что мой отец знаком с Дауд Ханом?

– И мой тоже, – ответил я, понятия не имея, правда ли это.

– И мой тоже, – передразнил меня Асеф плачущим голосом.

Камаль и Вали загоготали в унисон. Ах, жаль, Бабы со мной нет!

– В прошлом году Дауд Хан обедал у нас, – гнул свое Асеф. – Так-то вот, Амир!

А что, если закричать? Только до ближайшей постройки добрый километр, нас никто не услышит. Лучше бы мы сидели дома!

– Знаешь, что я скажу Дауд Хану, когда он придет к нам на обед в следующий раз? – не отставал Асеф. – Я с ним поговорю как мужчина с женщиной. Скажу то,

что говорил матушке. Речь пойдет о Гитлере. Вот это был правитель! Настоящий вождь! Провидец! Я напомню Дауд Хану, что если бы Гитлеру дали возможность закончить начатое, то мир сейчас был бы куда лучше.

– Баба говорит, Гитлер был безумец, погубивший массу невинных людей, – услышал я свой голос.

Вот ведь вырвалось! Замолкни, болван!

Асеф хихикнул:

– То же самое говорит матушка. Конечно, она немка, и ей вроде виднее. Только я с ней не согласен. Правду от нас скрывают.

Кто скрывает? Да и плевать мне было на его правду. И угораздило же меня рот раскрыть! А Баба далеко, никакой надежды, что он появится на пустыре.

– Ты почитай книжки, по которым в школе не учат, – вещал Асеф. – Я тут прочел кое-что, и у меня открылись глаза. Теперь у меня есть своя точка зрения, и я поделюсь ею с нашим новым президентом. Хочешь знать, что я ему скажу?

Я только головой покачал. Но Асеф всегда отвечал на вопросы, заданные самому себе. Его голубые глаза уставились на Хасана.

– Афганистан – земля пуштунов. С давних времен и навечно. Мы – подлинные беспримесные афганцы, не этот вот плосконосый. Его народ оскверняет нашу родину, наш ватан, нарушает чистоту расы. Афганистан для пуштунов, говорю я. Вот тебе мое мнение.

Асеф перевел взгляд на меня. Вид у него был мечтательный.

– Гитлер не успел, – произнес он. – А мы успеем.

Рука его нырнула в карман джинсов.

– Я попрошу президента совершить то, на что у короля не хватило смелости. Избавить Афганистан от грязных хазарейцев.

– Позволь нам пройти, Асеф, – сказал я противным, дрожащим голосом. – Мы тебя не трогаем.

– Как это не трогаете? – недоуменно спросил Асеф и вынул из кармана предмет, при виде которого душа у меня ушла в пятки. Кастет так и сверкал на солнце. – Очень даже трогаете. Ты вот злишь меня даже больше, чем этот хазара рядом с тобой. Как ты можешь с ним говорить, играть, как тебе не противно дотрагиваться до него? – Голос его задрожал от отвращения. Вали и Камаль согласно закивали. Глаза у Асефа сузились, и в голосе зазвучало еще большее недоумение: – Как ты можешь называть его своим другом?

– Он мне не друг! – выпалил я. – Он мой слуга!

Неужели я и вправду так думал? Нет. Трижды нет. Хасан был мне больше, чем друг, больше, чем брат. Только почему я не зову Хасана в нашу компанию, когда друзья Бабы приходят в гости с детьми? Почему я играю с ним, только когда рядом никого нет?

Асеф надвинул кастет на пальцы. Взгляд у него сделался ледяной.

– Если бы не такие, как ты, Амир, и дурачки вроде тебя и твоего отца, которые привечают хазарейцев, мы бы давно избавились от них. Пусть отправляются к себе в Хазараджат, где в могилах гниют их предки. Ты, Амир, позор Афганистана.

Я глянул в его безумные глаза и понял, что он говорит серьезно. Сейчас он мне задаст. Вот и кулак уже занес.

Хасан нагнулся и быстро поднял что-то с земли. Асеф изумленно раскрыл глаза. Лица у Вали и Камала вытянулись. У меня за спиной происходило что-то важное.

Я обернулся. Рогатка Хасана нацелена прямо Асефу в лицо, резинка, облегающая камень размером с грецкий орех, натянута до предела, так что пальцы ее с трудом удерживают. Лоб у моего слуги весь мокрый от пота.

– Оставь нас, ага, – мягко сказал Хасан. Даже сейчас он обращался к Асефу уважительно. Меня поразило, как глубоко укоренился в сознании Хасана

жизненный принцип «знай свое место».

Асеф стиснул зубы.

– Опустит рогатку, хазара безродный.

– Оставь нас, ага, – повторил Хасан. Асеф осклабился:

– Ты что, не заметил? Нас трое против вас двоих.

Хасан только пожал плечами в ответ. Посторонний никогда бы не сказал, что он боится. Но я-то знал Хасана с младенчества и видел по его лицу, что он ужасно трусит. Только старается держаться.

– Ты прав, ага. Но это ты, наверное, кое-чего не заметил. У одного из нас рогатка. Только шевельнись, и у тебя появится другое прозвище. Вместо «Асефа – пожирателя ушей» ты будешь зваться «Одноглазый Асеф». Камень попадет тебе прямо в левый глаз. – Хасан говорил совершенно спокойно и бесстрастно, так что даже я не услышал страха в его голосе.

Рот у Асефа искривился. Вали и Камаль заворуженно наблюдали за сценой. На их глазах совершалось святотатство. Их божество унижали. И кто, подумать только, какой-то заморыш-хазареец!

Асеф смотрел теперь не на камень, а прямо в глаза Хасану. Очень внимательно смотрел. И что-то убедило его в серьезности намерений противника.

Асеф опустил кулак.

– Знай, хазара, я человек терпеливый. И знай, у сегодняшней истории обязательно будет продолжение. Уж ты мне поверь. – И, повернувшись ко мне: – И ты, Амир, помни, на этом не кончится. Однажды мы встретимся с тобой один на один. – Асеф отступил на шаг. – Твой хазареец совершил сегодня очень большую ошибку, Амир.

И вся компания отправилась восвояси.

Хасан трясущимися руками заталкивал рогатку за пояс. Губы у него плясали, складываясь в некое подобие улыбки. Резинку от штанов он завязал с пятой попытки. Домой мы возвращались в тревожном молчании, за каждым углом ожидая засады. Никто нас не подстерегал в укромном месте, но на душе все равно было беспокойно. И еще как.

На протяжении следующих нескольких лет самые разные люди в Кабуле то и дело произносили умные слова вроде «реформа» или «экономическое развитие». Конституционную монархию сменила республика во главе с президентом. На какое-то время на людей снизошел дух обновления. Заговорили о правах женщин и современных технологиях.

Но в общем и целом, хоть в Арке – королевском дворце в Кабуле – и проживал теперь президент, а не монарх, жизнь текла, как и прежде. Рабочая неделя с субботы до четверга, пикники по пятницам – в парках, на берегу озера Карга, в садах Пагмана. Разноцветные автобусы и грузовики, набитые людьми, катят по узким улицам Кабула, на бамперах сзади стоят проводники и кричат, где поворачивать. Когда проходит священный месяц Рамадан и наступает черед трехдневного праздника Эид, кабульцы в парадных нарядах отправляются проводить родственников. Люди обнимаются и целуются и поздравляют друг друга словами «Эид мубарак» – счастливого Эида, а дети радуются подаркам и играют с крашеными крутыми яйцами...

В знаменательный день (начало зимы 1974 года), когда мы с Хасаном строили во дворе снежную крепость, к нам вышел Али и произнес:

– Хасан, ага-сагиб зовет, хочет поговорить с тобой.

Мы с Хасаном обменялись улыбками. С самого утра мы ждали этой минуты – ведь сегодня у Хасана день рождения.

– Отец, а ты знаешь, какой будет подарок? Скажи нам. – У Хасана заблестели глаза.

Али в ответ пожал плечами:

– Ага-сагиб не обсуждает со мной своих решений.

– Ну же, Али, скажи нам, – вмешался я. – Это альбом для рисования? А может быть, новый пистолет?

Как и Хасан, Али не умел лгать. Каждый год он притворялся, будто ведать не ведает, что подарит Баба на день рождения мне или Хасану, но глаза неизменно выдавали старого слугу, и Али в конце концов сдавался и открывал нам секрет. Но на этот раз он, похоже, говорил правду.

Баба обязательно отмечал каждый день рождения Хасана. Поначалу он спрашивал, что тот хочет получить в подарок, но Хасан был слишком скромен в своих желаниях, и Баба перестал задавать вопросы на эту тему. На один день рождения он подарил ему японский игрушечный грузовик, в другой раз – электрическую железную дорогу. В прошлом году Хасану, к полному его восторгу, вручили ковбойскую кожаную шляпу – в точности как у Клинта Иствуда в фильме «Хороший, плохой, злой» (именно этот вестерн побил в наших глазах «Великолепную семерку»). Целую зиму мы по очереди носили шляпу, прятались в сугробах и напевали знаменитую мелодию, когда надо было показать противнику, что он застрелен.

Войдя в дом, мы сняли перчатки и облепленные снегом ботинки и направились в зал. Баба сидел у дровяной чугунной печи вместе с каким-то индусом в коричневом костюме и красном галстуке.

– Хасан, – Баба скупно улыбнулся, – вот твой подарок на день рождения.

Мы с Хасаном недоуменно переглянулись. Где подарок-то? Ни коробок, перевязанных ленточкой, ни игрушек. Али – вот он, стоит за нами. Да еще этот тощий индус, похожий на учителя математики.

Господин в коричневом костюме усмехнулся и пожал Хасану руку:

– Я – доктор Кумар. Рад познакомиться. – Доктор говорил на фарси с раскатистым индийским акцентом.

– Салам алейкум, – неуверенно ответил Хасан и вежливо поклонился.

Али подошел к сыну сзади и положил ему руку на плечо.

Баба поймал настороженный и озадаченный взгляд Хасана.

– Я вызвал доктора Кумара из Нью-Дели. Он – пластический хирург.

– Знаешь, что это такое? – спросил индус.

Хасан покачал головой и оглянулся на меня, но я только пожал плечами. Просто хирург, не «пластический», может вылечить аппендицит, это я знал. Мой одноклассник год назад умер от аппендицита, и учитель сказал, что они вовремя не обратились к хирургу. Мы оба поглядели на Али, но уж по его-то лицу, неподвижному и суровому, точно ничего нельзя было сказать. Только по глазам.

– Я исправляю людям недостатки телосложения, – произнес доктор. – Случается, делаю операции на лице.

– О, – выдавил Хасан, переводя взгляд с доктора Кумара на Бабу и с Бабы на Али и хватаясь за верхнюю губу. – О.

– Я понимаю, это необычный подарок, – сказал Баба. – Наверное, ты хотел получить что-то другое. Зато это подарок на всю жизнь.

– О. – Хасан облизал губы и откашлялся. – Ага-сагиб, а это будет не... не...

– Это совсем не больно, – успокоил доктор Кумар. – Я дам тебе лекарство, и ты ничего не почувствуешь.

– О. – Хасан с облегчением улыбнулся. Но легкий страх остался. – Ага-сагиб, я не боюсь, я просто...

Ну, меня-то не обманешь. Я четко знал: если доктора говорят, что будет не больно, жди беды. Взять хоть обрезание, которое мне сделали год назад. Врач тогда тоже уверял, будто я ничего не почувствую. Но ночью действие лекарства закончилось, и пах мне стало жечь, словно раскаленным углем. Почему Баба тянул с обрезанием, пока мне не исполнилось десять, не могу понять. Никогда ему не прощу.

Интересно, будь у меня шрам на лице, может, Баба относился бы ко мне лучше? Несправедливость какая, Хасан ничего не сделал, чтобы снискать расположение Бабы, и тут ему такая честь. А все дурацкая заячья губа...

Операция прошла удачно. Конечно, мы были неприятно поражены, когда сняли повязки, но доктор Кумар нам все объяснил. Ему пришлось постараться, ведь на месте верхней губы, какая бы она ни была, у Хасана после операции оказался настоящий пузырь. Я бы на его месте закричал от ужаса, когда медсестра подала зеркало. А Хасан смотрел и смотрел на свое отражение, думал о чем-то своем и не говорил ни слова. Немало времени прошло, прежде чем он что-то пробормотал.

Я не понял и переспросил.

– Ташакор, – прошептал Хасан. – Спасибо.

И скривил губы. Я-то знал, что он улыбается. Как улыбался, появляясь на свет из материнской утробы.

Пузырь скоро опал, рана постепенно зажила, на губе осталась только тонкая зубчатая линия. К следующей зиме шрам уже был еле заметен.

Какая жестокая ирония!

Именно в ту зиму улыбка исчезла у Хасана с губ.

6

Зима.

В утро первого снега я всегда просыпался первым и прямо в пижаме выходил во двор, от холода обхватив себя руками за плечи. Двор, машина отца, деревья, крыши, холмы – все вокруг было укрыто толстым пушистым одеялом. Чистое голубое небо сияло над головой, белизна резала глаза. Я набирал целую

пригоршню чистейшего снега и пихал в рот. Тишину нарушало только карканье ворон. Босиком я спускался по ступенькам и звал Хасана.

Дети в Кабуле обожали зиму, по крайней мере, те дети, у кого дома имелась приличная чугунная печь. Причина была проста: на период холодов школа закрывалась. Про деление в столбик и название столицы Болгарии можно было на время забыть. Целых три месяца мы с Хасаном играли в карты у печи, смотрели по вторникам в «Кино-парке» на бесплатных утренних сеансах советские фильмы, лепили снеговиков и ели сладкую курму из репы с рисом на обед.

И еще мы запускали воздушных змеев. А когда змеи падали с небес, бежали за ними и ловили. Кто прибежал первым, тому и доставался змей.

Для некоторых несчастных занятия зимой не заканчивались. Были еще так называемые «факультативные зимние курсы для желающих углубить знания». Среди известных мне мальчишек желающих факультативно углубить знания не находилось. На курсы отпрысков записывали родители. К счастью для меня, Баба был не из их числа. Не то что доктор, живший напротив нас. Его эпилептик-сын Ахмад – излюбленная жертва Асефа – ходил в шерстяной безрукавке и носил очки в черной оправе. Каждое утро я злорадно наблюдал из окна спальни, как их слуга-хазареец разгребает снег, чтобы машина могла свободно выехать, и как немного погодя Ахмад с отцом садятся в черный «опель» и едут в школу. Когда автомобиль сворачивал за угол, я нырял обратно в постель, натягивал одеяло до самого подбородка и смотрел в окно на заснеженные холмы, пока у меня не слипались глаза и я снова не засыпал.

Я любил кабульские зимы, любил легкое шуршание ночного снегопада, тепло печи, завывание ветра за окном. Главное же, когда деревья покрывались инеем и дороги превращались в каток, наши отношения с Бабой, напротив, теплели. Нас сближал интерес к воздушным змеям. Вот ведь как: только бамбуковый каркас, обтянутый тонкой бумагой, как-то соединял жизни двух людей, живших в одном доме.

Каждую зиму по районам Кабула проходили состязания воздушных змеев. Для любого мальчишки воздушные бои были кульминацией зимних каникул. Я, например, никогда не мог заснуть в ночь перед соревнованиями, ворочался с

боку на бок, изображал руками целый «театр теней» на стене, даже заворачивался в одеяло и выходил на балкон. Солдат перед генеральным сражением, наверное, испытывает примерно то же самое. Я не шучу. Между войной и битвой воздушных змеев в Кабуле есть немало общего.

Так, ко всякой схватке надо готовиться. Одно время мы с Хасаном сами делали змеев, с осени складывали свои карманные деньги в фарфоровую копилку-лошадку, которую Баба привез как-то из Герата.[15 - Герат расположен в крупном оазисе на северо-западе Афганистана, его основание приписывается Александру Македонскому. Город стал знаменит в XV веке – своей школой искусства миниатюры; центром декоративно-прикладного искусства он остается и сейчас.] С первыми вьюгами мы вскрывали копилку (у фарфорового коня на животе был специальный замочек) и отправлялись на базар за бамбуком, клеем, шпагатом и бумагой. Долгие часы мы возились с обтяжкой каркаса, ведь змей должен быть вертким и быстро набирать высоту. Шпагат – или леса, или тар, – вообще особая статья. Если сравнить змея с ружьем, то тар – это заряд в стволе, ведь с его помощью «срезаешь» змея противника. Пятьсот футов шпагата следует покрыть «жидким стеклом», силикатным клеем, а когда высохнет – намотать на деревянную шпулю. Пока снег не растаял и не пошли весенние дожди, у каждого кабульского мальчишки на ладонях и пальцах образуются предательские порезы от лесы, которые не заживают неделями, этикетки отличия, свидетельства пройденных сражений. Помню, как мы с одноклассниками в первый день занятий сравнивали, у кого пальцы изрезаны сильнее, пока не раздавался свисток старосты и все строем не отправлялись в класс. Так заканчивалась зима и начинался новый учебный год.

Очень скоро оказалось, что бойцы из нас с Хасаном куда лучше, чем «змееделы». Наши конструкции не отличались надежностью. И Баба отвел нас к Сайфо, полуслепому сапожнику, чьи воздушные змеи славились на весь город. Его крошечная мастерская помещалась на оживленной улице Джаде Майванд к югу от илистых берегов реки Кабул. Сначала покупатели пробирались в лавчонку, настоящий застенок, затем надо было поднять крышку и спуститься по деревянным ступенькам в сырой подвал, где Сайфо хранил вожаемый товар. Баба всегда покупал мне и Хасану по три одинаковых змея и по три шпагата. Захоти я змея поярче и побольше, отец бы мне не отказал, но точно такого же он приобрел бы и моему слуге. А это приходилось мне не по сердцу, должен же был Баба хоть как-то меня выделять!

Зимние турниры воздушных змеев – старая афганская традиция. Они начинаются в объявленный день рано утром и продолжаются, пока в небе не останется единственный змей – он и выигрывает состязание. Помню, как-то бой не закончился и после захода солнца. Болельщики толпятся на тротуарах, забираются на крыши и криками подбадривают своих детей. Взад-вперед по улицам, задрав головы, носятся участники битвы, их змеи то высоко взмывают вверх, то резко снижаются. Главное – занять правильную позицию, вовремя дернуть за свой шпагат и перерезать лесу противника. У каждого из сражающихся имеется свой оруженосец, в руках у которого шпуля со шпагатом. Мой оруженосец – Хасан.

Однажды живущий по соседству мальчишка-индус, чья семья недавно переехала в Кабул, гордо поведал нам, что у него на родине бои воздушных змеев проходят по строгим правилам: каждый участник с выделенной ему площадки, за пределы которой ему выходить нельзя, запускает своего змея под определенным углом к ветру. А лесы из металлической проволоки и вовсе запрещены!

Мы с Хасаном только расхохотались в ответ. Маленький индус еще не осознал того, что британцы поняли уже давненько, а Советы познали в конце восьмидесятых: афганский народ любит свободу! Афганцы превозносят обычаи и не выносят правил. Бои змеев – прекрасный пример: запускай змея и бейся как сможешь. Правил – никаких. Удачи тебе, боец.

Но ведь срезать змея – это полдела. Надо еще и первым успеть к месту его приземления. Кто знает, куда его занесет ветер – на поле, на крышу, на дерево, во двор к кому-нибудь. Толпы мальчишек очертя голову бегут за падающими змеями; туристы, удирающие в Испании от разъяренных быков, чем-то напомнили мне сцену из моего детства. Однажды соседский пацан полез за змеем на сосну, ветка под его тяжестью сломалась, он свалился вниз с десятиметровой высоты, сломал себе позвоночник, и у него отнялись ноги. Но змея из рук он не выпустил. Если ты первый коснулся змея, он – твой. И это – не правило. Это – обычай.

Последний змей, сбитый в зимнем состязании, – самая желанная награда, самый почетный трофей для любого мальчишки. Когда в небе остаются только два змея, все собираются с силами, разминают мускулы, стараются занять местечко получше, чтобы моментально рвануть на поиски. Головы задраны. Глаза прищурены. Все внимание – в небо. И когда последний змей срезан – начинается

столпотворение.

За змеями гонялись ватагами. Но с Хасаном не мог сравниться никто. Просто чудо, как он умудрялся точно угадать точку приземления и прибежать туда раньше змея. Такой у него был дар.

Помню хмурый зимний день. Мы с Хасаном бежим за змеем. Я еле успеваю за своим товарищем по играм. Лабиринт узких улочек Хасану не помеха, он четко знает, где надо свернуть, ловко перепрыгивает через сточные канавы. Я уже совсем обессилел – хоть и старше его на год.

– Хасан! Погоди! – задыхаюсь я.

Он на бегу оборачивается, кричит: «Вот сюда!» – и исчезает за углом.

Гляжу на небо. Ветер несет змея совсем в другую сторону.

– Мы упустим его! Он летит не туда! – ору я изо всех сил.

– Поверь мне! – доносится до меня издалека.

С грехом пополам добираюсь до перекрестка. Хасан далеко впереди и мчится во весь дух, опустив голову. На небо и не взглянет! Спотыкаюсь о камень и падаю – Хасан не только бежит быстрее меня, он еще и более ловкий, поганец. Поднимаюсь – его силуэт мелькает в переулке и пропадает. Превозмогая боль в колене, ковыляю в том же направлении.

По грязной, изрезанной глубокими колеями грунтовке выхожу к саду у средней школы «Истикляль». Под вишней спокойно сидит Хасан и ест сушеные тутовые ягоды.

– Что это ты расселся? – произношу я сдавленно. Меня подташнивает.

Хасан улыбается:

– Присаживайся рядом со мной, Амир-ага. Плюхаюсь на землю рядом с ним.

– Зачем мы сюда приперлись? Змей полетел совсем в другую сторону, не видел разве?

Хасан забрасывает ягодку себе в рот.

– Змей сейчас прилетит сюда.

Никак не могу отдышаться. А он свеж как огурчик.

– С чего ты взял?

– Знаю.

– Откуда?

Хасан оборачивается ко мне. Капельки пота поблескивают на его бритой голове.

– Я когда-нибудь обманывал тебя, Амир-ага? А не подразнить ли мне его?

– Не знаю. А ты обманывал?

– Я скорее наемся грязи, – обиженно произносит он.

– Seriously? Вот прямо так и наешься? Хасан озадаченно смотрит на меня:

– Ты о чем?

– О грязи. Если я велю, ты будешь есть грязь?

Знаю, это жестоко. Как и то, что я неправильно толковал ему слова. Но дразнить Хасана – в этом есть своя нечестивая прелесть. Похожее чувство испытываешь, когда мучаешь насекомых. Сейчас он – муравей, а у меня в руках лупа.

Мой слуга испытующе смотрит на меня. Два мальчика сидят под вишней, уставившись друг на друга. И тут Хасан меняется в лице. Нет, не совсем точно. Просто мне начинает казаться, что у него сразу два лица: одно, которое я знаю с

пеленок, и второе, незнакомое, что выплывает сейчас откуда-то из глубины. Оно пугает меня, хотя вроде бы я уже видел его прежде. Вот оно, это второе лицо, теперь я ясно разбираю его черты...

Хасан моргает и снова становится самим собой.

– Если ты попросишь, съем, – говорит он, глядя мне прямо в глаза.

Не в силах выдержать его взгляд, я отворачиваюсь. До сих пор мне неловко общаться с людьми вроде Хасана, у которых что на уме, то и на языке.

– Только вот что, – добавляет Хасан, помолчав. – Ты взаправду можешь попросить меня о чем-то таком, Амир-ага?

Ага. Значит, он тоже устраивает мне проверку. Я ему – на преданность, он мне – на честность.

Зря я все это затеял.

Вымучиваю улыбку.

– Не будь дураком, Хасан. Ты же знаешь, я на такое не способен.

Хасан улыбается мне в ответ. Искренне улыбается.

– Знаю, – говорит он.

Просто беда с ними, с откровенными, открытыми людьми. Они думают, что и все остальные – такие же.

– Вот он, – показывает на небо Хасан, встает и делает пару шагов влево.

Поднимаю глаза. Воздушный змей пикирует прямо на нас.

Слышится топот ног, крики и брань. Гурьбой выбегают охотники на змеев. Опоздали, голубчики. Хасан уже широко расставил руки, и змей спланирует ему

прямо в объятия. Да поразит меня Господь слепотой, если я ошибаюсь.

Зимой 1975 года Хасан преследовал змея последний раз в жизни.

Обычно в каждом квартале города проходили свои соревнования. Но в тот год сразу несколько районов присоединилось к нашему Вазир-Акбар-Хану – и Карте-Чар, и Карте-Парван, и Микрорайон, и Коте-Санги. Всюду только и разговоров было что о предстоящей битве. Говорили, что такое грандиозное сражение произойдет впервые за последние двадцать пять лет.

Дня за четыре до состязания мы с Бабой сидели вечером у камина в его кабинете, попивали чай и разговаривали. Мы уже отужинали – картошка с цветной капустой под соусом карри. Али с Хасаном удалились в свою хижину. Баба попыхивал трубочкой, и я хотел было попросить его рассказать историю, как в одну зиму стая волков спустилась с гор в Герате и жители целую неделю просидели взаперти дома, не решаясь высунуть нос за порог.

Но стоило мне открыть рот, как Баба меня перебил:

– По-моему, ты сможешь выиграть соревнование в этом году. Что скажешь?

Он серьезно? Или это какой-то подвох? Что мне ответить? В воздушном бою я был неплох. И даже весьма неплох. Пару раз я был близок к победе – как-то попал даже в первую тройку. Но одно дело – чуть было не выиграть, и совсем другое – когда поле боя и вправду остается за тобой. Для Бабы не существовало никаких «чуть было». Он выигрывал, потому что был рожден победителем, не то, что все прочие. Баба привык быть первым во всем и даже не ставил себе других целей. Наверное, он вправе ожидать того же и от сына. Значит, если я выиграю...

Баба говорит еще что-то, но я его не слушаю. Во мне растет решимость. Надо побеждать в зимнем турнире – другого выбора у меня нет. Сбить последнего оставшегося змея и отыскать его, принести домой и показать Бабе. Пусть знает, что его сын тоже не лыком шит. И я не буду больше чужаком в собственном доме. За столом зазвучат веселые разговоры и смех, привычное натянутое молчание, прерываемое только стуком вилок и ножей, канет в прошлое. И вот мы едем с Бабой на машине в Пагман и ненадолго останавливаемся у озера

Карга, чтобы закусить жареной форелью с картофелем. Вот мы отправляемся в зоопарк посмотреть на льва Марджана, и Баба не зевает и не глядит поминутно на часы. Вот он вслед за Рахим-ханом называет меня Амир-джан. И вот душа его смягчается и он прощает меня. Да, я убил свою мать, но Баба меня прощает.

Баба рассказывает мне, как однажды он срезал целых четырнадцать змеев в один день. Я улыбаюсь, киваю, смеюсь в нужных местах, но мысли мои далеко. Теперь у меня есть цель. И на этот раз я не подведу Бабу.

Вечером накануне состязания снег так и валит. Мы с Хасаном сидим на подушках на полу за курси, низким столиком, накрытым толстым стеганым одеялом, и играем в панджпар. Ветер за окном раскачивает деревья. Если засунуть под столик ноги – а Али поставил туда электронагреватель, – тепло всему телу. Порой, когда метет метель, мы с Хасаном просиживаем так целые дни за шахматами и картами – чаще всего за панджпаром.

Перебиваю бубновую десятку, выкладываю двух валетов и шестерку. В кабинете у Бабы он сам, Рахим-хан и еще несколько человек (в том числе отец Асефа). У них деловая встреча. Через стену слышно бормотание радиоприемника – Дауд Хан[16 - Дауд Хан в последние годы правления короля Захир-шаха был премьер-министром, именно он убедил короля Афганистана отказаться от традиционной ориентации на Великобританию и создать современную армию по образцу вооруженных сил СССР. По тогдашнему «призыву Дауда» в московские военные училища и академии были направлены сотни курсантов и офицеров. 17 июля 1973 года Дауд Хан возглавил военный переворот, в результате которого король был отправлен в изгнание, Афганистан объявлен республикой, а Дауд Хан – ее президентом.] выступает по «Радио Кабул». Что-то важное насчет иностранных инвестиций.

Хасан перебивает шестерку и берет двух валетов.

– Президент говорит, у нас в Кабуле будет телевидение, – сообщаю я.

– Кто говорит?

– Дауд Хан, болван. Глава государства.

– Говорят, в Иране уже есть телевизоры, – хихикает Хасан.

Я вздыхаю:

– Ох уж эти иранцы...

Для многих хазарейцев Иран – прямо святая святых, наверное, потому, что большинство иранцев – шииты. Но я хорошо запомнил, что говорил про иранцев учитель. «Краснобаи, одной рукой они хлопают тебя по спине, а другой залезают тебе в карман». Я передал слова учителя отцу, и Баба сказал, что он, как и многие афганцы, просто завидует иранцам. Их государство становится великой азиатской державой, тогда как наш Афганистан не каждый сможет даже найти на карте.

– Мне больно об этом говорить, – сказал Баба. – Но лучше смотреть правде в глаза, чем убаюкивать себя ложью.

– Обязательно куплю тебе телевизор, – говорю я.

На лице у Хасана радость.

– Телевизор? Взаправдашний?

– Конечно. И только цветной, не черно-белый. Хотя к тому времени мы, наверное, уже будем взрослыми. Целых два куплю. Один – тебе, второй – мне.

– Я поставлю его на стол, за которым рисую, – мечтательно произносит Хасан.

Мне становится грустно. Какой Хасан бедный, в какой хибаре он живет! Станет взрослым, но по-прежнему будет жить в глинобитной хижине, как и его отец. А ему и горя мало.

Беру из колоды последнюю карту и выкладываю двух дам и десятку.

Хасан берет дам.

– Знаешь, наверное, завтра ага-сагиб будет гордиться тобой.

– Ты думаешь?

– Иншалла.

– Иншалла, – эхом отзываюсь я, хотя выражение «Бог даст» в моих устах звучит не слишком искренне. С Хасаном всегда так. Он такой бесхитростный, что рядом с ним сам себе всегда кажешься лицемером.

Перебиваю короля и выкладываю на стол свою последнюю карту, туза пик. Хасан принимает. Я выиграл.

Тасую карты. В душу мне закрадывается подозрение, что Хасан поддался. Позволил мне выиграть.

– Амир-ага?

– Что?

– Знаешь... я люблю то место, где живу. – Он прямо мысли читает. – Это мой дом.

– Ну что же, – отвечаю. – Готовься, сейчас я опять тебя разгромлю.

7

На следующее утро, пока заваривается черный чай, Хасан рассказывает мне свой сон:

– Мы все были на озере Карга – ты, я, отец, ага-сагиб, Рахим-хан и еще масса народу. День был солнечный, жаркий, и озеро лучилось словно зеркало. Но никто не купался. Люди говорили, на дне озера притаилось чудовище.

Он наливает мне чай, добавляет сахар, размешивает и ставит чашку передо мной.

– Все боялись входить в воду. И тут ты сбросил обувь, Амир-ага, и снял рубаху. Никакого чудовища здесь нет, сказал ты, сами посмотрите. Никто не успел тебя остановить, ты бросился в воду и поплыл прочь от берега. А за тобой – я.

– Ты же не умеешь плавать. Хасан усмехается:

– Это ведь сон, Амир-ага, а во сне ты все умеешь. Все нам кричали: выходите из воды, вернитесь на берег! Но мы заплыли на самую середину озера, повернулись и помахали людям руками. Издали они казались маленькими, словно муравьи, но было слышно, как они нам хлопают. Ведь все убедились, что никакого чудовища тут нет. А потом это место решили переименовать в «Озеро Амира и Хасана – повелителей Кабула». Кто хотел в нем искупаться, платил нам деньги.

– И что все это значит? – спрашиваю я.

Хасан мажет мне хлеб вареньем и кладет на тарелку.

– Не знаю. Я думал, ты мне растолкуешь.

– Глупый сон. В нем ничего не происходит.

– Отец говорит, ничего не снится просто так. Прихлебываю чай.

– Так пусть бы он тебе и объяснил, к чему такой сон. Если уж он такой умный.

Грубо получилось. Это из-за бессонной ночи. Спина и шея ноют, в глаза точно песку насыпали. Все равно, Хасан не заслужил такого обращения. Надо бы извиниться. Хотя нет, не стоит. Хасан и без этого прекрасно понимает, что я просто волнуюсь. Хасан всегда все понимает.

Сверху, из ванной Бабы, доносится плеск воды.

Заснеженные улицы сверкают под чистым голубым небом. Снег покрывает все: и крыши домов, и ветви тутовых деревьев, и каждый камешек, и каждую канавку. Мы выходим из ворот, Али закрывает их за нами, бормоча молитву. Он всегда молится, когда сын покидает дом.

Никогда не видал столько народу на нашей улице. Мальчишки играют в снежки, спорят, гоняются друг за другом, смеются. Участники состязания шепчутся со своими оруженосцами, приводят экипировку в боевую готовность. С соседних улиц доносятся громкие голоса и смех. Кое-где зрители уже удобно расположились на крышах: шезлонги, термосы с горячим чаем, голос Ахмада Захира из кассетников. Этот музыкант произвел настоящую революцию, совместив электрогитары, барабаны и трубы с традиционными инструментами; прежние певцы рядом с ним казались унылыми и скучными. Во время выступлений Ахмад Захир даже улыбался со сцены женщинам – и всем этим снискал себе немало друзей. И врагов.[17 - Ахмад Захир (1946–1977) – культовая фигура для афганцев, и не только в музыке; погиб в автомобильной аварии при загадочных обстоятельствах.]

Я смотрю на нашу крышу – Баба и Рахим-хан в шерстяных свитерах, с дымящимися кружками чая в руках, заняли свои места на скамейке. Баба машет мне.

– Пора начинать. – Хасан, в своих черных резиновых сапогах, ярко-зеленом чапане поверх толстого свитера и мятых вельветовых штанах, решителен и сосредоточен. Лицо его освещает солнце, розовый шрам на губе по прошествии года стал почти незаметен.

У меня вдруг пропадает желание участвовать. Вот соберу сейчас вещи и уйду домой. Куда я лезу, зачем пыжусь, ведь я заранее знаю, чем все кончится. Баба болеет за меня, я чувствую на себе тепло его взгляда. Вот позорище-то будет, для меня и для него.

– Что-то мне расхотелось, – бормочу я.

– Что ты, такой прекрасный день, – возражает Хасан.

Переминаясь с ноги на ногу, стараюсь не смотреть в сторону отца.

– Не знаю, не знаю. Может, лучше пойдем домой?

Хасан подходит ко мне поближе и говорит тихонько:

– Помни, Амир-ага, никакого чудовища нет. И день такой чудесный.

Его слова поражают меня.

Значит, я для него – как открытая книга? А он для меня? Да я по большей части могу только угадывать, что у него в голове! Это я хожу в школу, это я умею читать и писать, это я из нас двоих считаюсь умный! А вот Хасан не держал букваря в руках, но, оказывается, свободно читает. У меня в душе.

Непорядок. Хотя так удобно, когда слуга всегда заранее знает, что тебе нужно.

– Никакого чудовища нет, – повторяю я за ним, и мне почему-то становится легче.

– Нету, – улыбается Хасан.

– Точно?

Он закрывает глаза и кивает. Смотрю на детей, играющих в снежки.

– Какой хороший день, правда.

– Запускаем змея, – отвечает Хасан.

Неужели Хасан истолковал свой сон? Вряд ли. Умишка бы не хватило. Даже я – и то бы не смог. Только стоит вспомнить об этом дурацком сне, как во мне пробуждается азарт. Как здорово – снять рубаху и кинуться в воду! А что?

– За дело, – решаюсь я. На лице Хасана радость.

– Слушаюсь.

Подхватив нашего красавца-змея, красного с желтой каймой, с фирменным знаком Сайфо чуть пониже перекрестья каркаса, Хасан слюнит палец, поднимает руку, проверяя, откуда дует ветер, затем отбегает в этом направлении. Летом он бы просто топнул ногой и посмотрел, куда полетит пыль. Шпуля с лесой так и вертится у меня в руке. Метрах в пятнадцати Хасан останавливается и поднимает змея над головой, словно чемпион Олимпийских игр золотую медаль. Дважды дергаю за лесу – наш условный знак, – и Хасан подбрасывает змея в воздух.

Есть ли Бог, я для себя не решил: с одной стороны – муллы в школе, с другой – точка зрения Бабы. Но сейчас я бормочу про себя пришедший на ум аят,[18 - Священный Коран делится на 114 глав – сур (собственно «рядов» – камней в стене); каждая сура состоит из нескольких (от 3 до 286) стихов – аятов («чудо», «чудесное свидетельство»)]. зазубренный на уроке религии. Делаю глубокий вдох и тяну за лесу.

Змей взмывает в небо и с тихим шелестом (словно бумажная птица машет крыльями) набирает высоту. Хасан хлопает в ладоши, свистит и бежит обратно ко мне. Не отпуская лесу, передаю ему шпулю, и он быстренько выбирает слабину.

Дюжины две змеев уже рыщут в небе словно акулы. В течение часа число их удваивается. Красные, синие, желтые прямоугольники заполняют пространство. Ветерок (в самый раз для состязаний: подъемная сила достаточна, и маневрировать легко) шевелит мне волосы. Хасан рядом со мной вцепился в шпулю, руки у него уже в крови.

Начинается бой. Первый сбитый змей, печально взмахнув хвостом, скользит вниз, за ним второй. Мальчишки гурьбой кидаются к месту приземления. Слышу их крики. За два квартала от нас моментально возникает драка – и пацаны наперебой комментируют ее.

Украдкой поглядываю на Бабу и Рахим-хана. Интересно, что сейчас занимает отца? Радует ли он за меня? А вдруг он мой тайный противник? Вот ведь что приходит в голову, когда запускаешь змея, мысли тоже улетают высоко и далеко.

Разноцветные прямоугольники валятся вниз один за другим, а я по-прежнему в воздухе и все чаще смотрю на Бабу. Полюбуйся, отец, как долго я держусь. Если не глядишь на небо, тебя быстро собьют. Поднимаю глаза – ко мне приближается красный змей. Еще немного – и было бы поздно. Поединок наш длится не очень долго, у моего противника не хватает терпения, и он пытается срезать меня снизу. Тут ему и конец приходит.

Там и тут по улицам носятся счастливцы, высоко подняв захваченных змеев над головой. Но все знают, что самое важное – впереди, самый главный приз – еще в небе. Сбиваю ярко-желтого змея с хвостом спиралькой. Еще один порез, на этот раз на указательном пальце. Передаю лесу Хасану, высасываю из ранки кровь и вытираю руку о джинсы.

Через час из примерно пятидесяти змеев в небе остается не больше двенадцати, в их числе – я. Турнир вступает в самую долгую свою фазу: те, кого до сих пор не сбили, бойцы опытные, их на мякине не проведешь, они не купятся на старые штучки вроде «подпрыгни и нырни». Иными словами, набери высоту и резко рвани вниз. Любимый финт Хасана, между прочим.

К трем часам дня солнце скрывается за облаками. Сразу делается мрачнее и холоднее. Болельщики на крышах плотнее закутываются в свои шарфы и свитера. В воздухе семеро. Я – в семерке. Ноги у меня болят, шея одеревенела, но с каждым сбитым противником надежда в сердце растет, крупница за крупницей, снежинка за снежинкой.

Гляжу на синего змея. Так и сеет опустошение вокруг себя.

– Скольких он срезал? – спрашиваю.

– Я насчитал одиннадцать, – отвечает Хасан.

– Чей он?

Хасан щелкает языком и стучит себя пальцем по подбородку, что означает полное неведение с его стороны. Синий змей срезает большого лилового и делает две петли. Еще десять минут – и он сбивает еще двоих. Мальчишки бросаются за ними.

Следующие полчаса в небе парят только четыре участника. Ошибаться мне теперь нельзя, каждый порыв ветра да будет мне в помощь. Какая ответственность и какое счастье! Просто голова кружится! Я уже не смотрю на крышу нашего дома, мне нельзя отвлекаться.

Пятнадцать минут – и то, что утром казалось пустой мечтой, воплощается в реальность.

В воздухе двое. Я – и синий.

Напряжение натянутой лесой повисает в воздухе. Люди вокруг меня притопывают ногами, хлопают в ладоши, свистят, выкрикивают: «Бобо-реш! Бобореш! Срежь его!»

А Баба кричит вместе с ними?

Грохочет музыка. С крыш и из распахнутых дверей разносится запах манту и жареной пакоры [19 - Манту (манты) – традиционное мясное блюдо народов Центральной Азии, известное под другими названиями также в Китае и Пакистане; состоит из мясного фарша в тонко раскатанном тесте; готовится на пару. Пакора – овощи, поджаренные во фритюре.].

В ушах у меня звенит, перед глазами маячит синий змей, я весь – предвкушение победы. Освобождения. Возрождения. Если Баба ошибается и Бог есть, да будет он ко мне милостив и ниспошлет удачу. Не знаю, ради чего сражаются другие, может, просто хотят лишний раз себя показать. Но для меня успех – единственная возможность доказать, что и я что-то значу. Если Бог есть, да направит он воздушные потоки, куда мне надо, чтобы одним рывком лесы я покончил со своей прежней жизнью, с этим жалким прозябанием. Отступать мне уже некуда.

Вдруг надежда во мне перерастает в уверенность. Победа будет за мной, это точно. Дайте только срок.

Порыв ветра подхватывает моего змея. Чуть отпустить лесу, надвинуться на синего сверху, зависнуть над ним. Он видит опасность и пытается ускользнуть. Напрасный труд.

– Срежь его, срежь его! – вопит толпа, словно древние римляне гладиаторам. – Убей его! Убей!

– Еще чуть-чуть, Амир-ага! – вскрикивает Хасан.

Зажмуриваюсь. Леса скользит у меня по пальцам, кромсая кожу. Рывок!

Есть!

Я выиграл, это точно. Мне не надо смотреть в небо, чтобы убедиться. И крики толпы мне ни к чему.

Хасан кидается мне на шею.

– Браво! Браво, Амир-ага!

Открываю глаза. Синий змей беспомощно трепыхается в воздухе, точно колесо, оторвавшееся на полном ходу от машины. Моргаю. Хочу что-нибудь сказать. Не получается. Что-то возносит меня над землей, и я вдруг вижу себя самого сверху. Черная кожаная куртка, красный шарф, выцветшие джинсы. Маленький для своих двенадцати лет, кожа бледная, под глазами темные круги. Ветер треплет каштановые волосы. Я и я смотрим друг на друга и улыбаемся.

У меня вырывается вопль восторга. Мир сверкает всеми красками, и шумит, и радуется вместе со мной. Свободной рукой обнимаю Хасана. Мы смеемся, и плачем, и прыгаем как ненормальные.

– Ты победил, Амир-ага! Ты победил!

– «Мы победили! Мы!» – вот что я должен сказать. Но я молчу. Стоит мне моргнуть, как все вокруг исчезает. Я опять дома. Утро. Я просыпаюсь, умываюсь, завтракаю в одиночестве (со мной только Хасан), одеваюсь и жду, когда выйдет Баба. Мой успех мне только привиделся, все идет по-старому.

И тут я вижу Бабу на крыше. Он стоит на самом краю, высоко подняв руки, потрясает кулаками в воздухе, кричит и восторженно аплодирует. Это кульминация всей моей двенадцатилетней жизни – наконец-то отец может мною

гордиться!

Только, кажется, отец еще и хочет мне что-то сказать – уж очень красноречивы его жесты. Я забыл о чем-то срочном?

Ну конечно!

– Хасан, мы...

– Я помню, – отвечает он, высвобождаясь из моих объятий. – Иншалла, радоваться будем позже. Мне еще надо принести тебе синего змея. Уже бегу.

Он бросает на землю шпулю и срывается с места, только нижний край зеленого чапана волочится за ним по снегу.

– Хасан! – кричу я. – Возвращайся со змеем!

Он уже сворачивает за угол, но на бегу оборачивается, прикладывает ладони рупором ко рту и кричит в ответ:

– Для тебя хоть тысячу раз подряд! Неподражаемая улыбка – и Хасан исчезает.

Целых двадцать шесть лет пройдет, прежде чем я увижу эту улыбку вновь. Мой друг детства усмехнется мне с выцветшей моментальной фотографии.

Подтягиваю своего змея. Все меня поздравляют. Жму руки, благодарю. Детишки помоложе смотрят на меня с восхищением, в их глазах я герой. Меня хлопают по спине и треплют волосы. Сматываю лесу и раздаю улыбки, хотя думаю только о синем змее.

Наконец мой красный змей у меня в руках. Бреду домой, чуть живой от усталости. За воротами меня поджидает Али, протягивает руку сквозь кованые прутья и говорит:

– Поздравляю.

Отвечаю на рукопожатие, вхожу во двор, вручаю ему змея и шпулю.

– Ташакор, Али-джан.

– Я все время молился за тебя.

– Молись, молись. Мы ведь еще не закончили.

Выбегаю обратно на улицу, даже не спросив Али, как там Баба. С отцом увидимся позже. В голове у меня уже все распланировано: торжественная встреча, герой появляется со змеем в окровавленных руках, все уважительно кланяются ему, Рустем и Сохраб в молчании глядят друг на друга. И вот старый воин подходит к юному богатырю и заключает в объятия, тем самым признавая его заслуги. Освобождение от груза прошлого. Возрождение.

А что потом? Ну, потом... все будет хорошо.

Улицы Вазир-Акбар-Хана пересекаются под прямым углом, у каждой свой номер. Если посмотреть с птичьего полета, настоящая сетка. Район новый, и то и дело рядом с огороженным трехметровой стеной жилым комплексом оказывается стройплощадка или пустой участок. В поисках Хасана бегаю по улицам туда-сюда. Зрители воздушного боя расходятся: собирают шезлонги, укладывают посуду и остатки еды. С крыш ко мне летят поздравления.

На четвертой улице к югу меня окликает Омар, сын инженера. Раньше мы учились с ним в одном классе. Он добрый и хороший человек и как-то даже подарил мне перьевую авторучку со сменным картриджем. Его отец – приятель Бабы. На лужайке перед своим домом Омар с братом играют в футбол – отрабатывают приемы владения мячом.

– Говорят, ты выиграл, Амир. Поздравляю.

– Спасибо. Ты Хасана не видел?

– Твоего хазарейца? Киваю в ответ. Омар пасует брату.

– Я слышал, он хорош в погоне за змеями. Брат отпасовывает мяч обратно. Омар принимает мяч на голову.

– Никогда не мог понять, как у него получается. Как он еще что-то видит своими узенькими глазками?

Брат, хохотнув, просит мяч. Омар не дает.

– Так ты его видел?

Омар показывает большим пальцем через плечо в направлении на юго-запад.

– Недавно видел, как он неся к базару.

– Спасибо. – Я срываюсь с места.

К базару я прибегаю уже в сумерках. С минарета мечети Хаджи Якуба муэдзин выкликает «азан», призывая правоверных развернуть коврики, повернуться на запад и склонить в молитве головы. Хасан никогда не пропускает ни одной из пяти молитв, которые полагается произносить в течение дня. Даже когда мы заняты игрой, он всегда извиняется, умывается из колодца во дворе, исчезает в своей хижине и через несколько минут появляется вновь с улыбкой на губах. А я его жду в том месте, где мы расстались, порой на дереве. Похоже, сегодня он пропустит вечернюю молитву. Все из-за меня.

Базар быстро пустеет, на сегодня торговля закончена. Прохожу по рядам, где за одним прилавком продают битых фазанов, а за соседним – калькуляторы. Пробираюсь сквозь редющую толпу: нищие калеки в лохмотьях, рыночные торговцы, тоже укутанные в тряпье, чтобы не так холодно было, продавцы одежды и мясники. Лавки закрываются. Хасана нигде нет.

Пожилой торговец сушеными фруктами в зеленовато-голубой чалме грузит на мула корзины с кедровыми орешками и изюмом. Спрашиваю его про Хасана.

Прежде чем заговорить, старик долго смотрит на меня.

– Кажется, я его видел.

– Куда он направился?

Торговец меряет меня взглядом с головы до ног.

– А на что мальчику вроде тебя какой-то хазареец? Да еще на ночь глядя!

Он не сводит восхищенных глаз с моей кожаной куртки и джинсов – ковбойских штанов, как мы их тогда называли. Если афганец носит что-то американское (и вещи новые), это верный признак достатка.

– Я должен разыскать его, ага.

– А он тебе кто?

Запасаюсь терпением, хоть и не понимаю, куда он клонит.

– Он сын нашего слуги. Старик приподнимает седую бровь:

– Да неужто? Заботливый же у хазарейца хозяин! Его отец должен стоять перед тобой на коленях и ресницами смахивать пыль с обуви!

– Так вы мне скажете, наконец?

Он хлопает мула по крупу, направляя животное в нужную сторону.

– Вроде бы похожий мальчишка пробежал вон там. В руках у него был синий воздушный змей.

– Правда?

Меня распирает радость. «Для тебя хоть тысячу раз подряд!» – вспоминается мне. Да, на Хасана всегда можно положиться. Вот ведь молодец!

– Только те, другие мальчишки, его, наверное, уже догнали, – продолжает торговец, взгромождая на мула еще одну корзину.

– Какие мальчишки?

– Которые за ним гнались. Одеты хорошо, вроде тебя. – Старик смотрит на небо и вздыхает. – Беги, а то я пропущу свой намаз.

Ракетой срываюсь с места.

Рыскаю по базару. Хасана ни следа. Может быть, старика подвели глаза? Хотя змей-то и вправду синий.

Подумать только, змей у Хасана, он мой!

Заглядываю в каждую лавчонку, под каждый прилавок. Никого.

Скоро совсем стемнеет. А что, если я так и не найду Хасана?

И тут до меня доносятся приглушенные голоса.

Впереди узкий грязный проулок, ведущий в сторону от базара. Ноги мои вязнут в грязи, изо рта вылетают клубы белого пара. Вдоль дороги тянется канава, полная снега, весной тут понесется настоящий поток. С другой стороны выстроилась вереница заснеженных кипарисов, за ними прячутся простенькие глинобитные дома, разделенные неширокими проходами.

Голоса слышатся снова, на этот раз громче. Это в проходе между домами. Подбираюсь поближе и, затаив дыхание, выглядываю из-за угла.

Хасан стоит у глухой стены тупика в угрожающей позе: кулаки сжаты, ноги расставлены. За спиной у него к куче камней и металлолома прислонен синий змей. Вот он, ключ к сердцу Бабы.

Дорогу Хасану загораживают трое парней, тех самых, с пустыря у подножия холма, которые не стали с нами связываться, стоило Хасану показать свою рогатку. С одной стороны – Вали, с другой – Камаль, а посередине – Асеф.

По телу у меня пробегает ледяная дрожь.

Спокойный и довольный, Асеф вертит в руках кастет. Двое других нервно переминаются с ноги на ногу, будто перед ними загнанный дикий зверь, с которым один Асеф в состоянии совладать.

– Где же твоя рогатка, хазара? – ехидно осведомляется Асеф, поигрывая кастетом. – Что ты там тогда сказал? Что меня наградят прозвищем «Одноглазый Асеф», так? Все верно. И очень умно. Легко быть умным с оружием наготове.

Осторожно выдыхаю, не в силах двинуться. Не свожу глаз с мальчика, с которым вырос, чье лицо с заячьей губой было моим первым воспоминанием.

– Но тебе повезло, хазара, – продолжает Асеф. Он стоит ко мне спиной, но я будто вижу его ухмылку. – Пожалуй, я тебя прощу. Такое у меня сегодня настроение. Что скажете, парни?

– Какое великодушие, – подхватывает Камаль. – Если учесть, как дурно он с нами обошелся. – Камаль старается подражать интонациям Асефа, но голос у него дрожит. И не Хасана он боится, нет. Он понятия не имеет, что у Асефа на уме, вот что страшно.

Асеф с достоинством поводит рукой:

– Бахшида. Прощен. Да будет так. – Тон его меняется, становится мрачным. – Разумеется, все в этом мире имеет свою стоимость. За милосердие надо платить, пусть цена и небольшая.

– Справедливо, – откликается Камаль.

– За все надо платить, – присоединяется Вали.

– Счастливчик ты, хазара. – Асеф делает шаг к Хасану. – Отдай мне синего змея, и мы квиты. Недорого беру. Честная сделка, правда, парни?

– Больше чем честная, – подтверждает Камаль.

Даже мне виден страх в глазах Хасана. Но мой слуга молча качает головой.

– Верный хазарец. Верный, как пес, – говорит Асеф.

Камаль издает гадкий смешок.

– Но прежде чем ты пожертвуешь собой ради него, подумай, разве он собой жертвует ради тебя? Ты задумывался, почему он не приглашает тебя поиграть, когда у него гости? Почему он играет с тобой, только когда один? Я тебе скажу. Ты для него вроде домашнего зверька. Со зверьком можно поиграть, когда скучно, ему можно надавать тумаков, когда плохое настроение. Человеком он тебя не считает, не будь дурнем, не обманывай себя.

– Амир-ага и я – друзья, – весь красный, выдавливая из себя Хасан.

– Друзья? – хохочет Асеф. – Презренный осел! В один прекрасный день ты поймешь, какой он тебе друг. Но довольно об этом. Давай сюда змея!

Хасан нагибается и поднимает с земли камень.

Асеф отшатывается.

– Это твоя последняя возможность, хазара. В ответ Хасан замахивается.

– Как хочешь. – Асеф снимает с себя зимнюю куртку, аккуратно сворачивает и кладет у стены.

Я кричу. Только про себя. Вся моя жизнь сложилась бы иначе, если бы я тогда взаправду закричал. Но я не проронил ни звука. Скорчился у стены и смотрел. И больше ничего.

Асеф делает рукой знак, два его приятеля расходятся в стороны и окружают Хасана.

– Я передумал, – зло произносит Асеф. – Подавись своим змеем, хазара. Пусть он останется тебе на память о том, что сейчас случится.

Камень попадает Асефу прямо в лоб. С визгом Асеф сбивает Хасана с ног. Вали и Камаль кидаются на моего слугу.

Впиваюсь зубами в сжатый кулак. Закрываю глаза.

ПОМНЮ:

А ведь вы с Хасаном вскормлены одной грудью. Как ты мог забыть об этом, Амир-ага? Вашу кормилицу звали Сакина, она была дородная, красивая, голубоглазая хазарейка из Бамиана и пела вам старинные свадебные песни. Говорят, между молочными братьями существует тесная связь. Ты и об этом забыл?

ПОМНЮ:

– Рупия с каждого, мальчуганы. Всего лишь рупия, и я приоткрою завесу тайны.

У глиняной стены скорчился старик-предсказатель. Его затянутые бельмами глубоко посаженные глаза отливают серебром, одной заскорузлой рукой он опирается на палку, другой поглаживает впалые щеки.

– Недорого за правдивое предсказание. Всего рупия с каждого.

Рука протянута к нам. Хасан роняет монетку в высохшую ладошку, я вслед за ним.

– Во имя Аллаха, всеблагого и всемилостивейшего.

Предсказатель берет Хасана за руку, водит костяным пальцем по ладони, туда-сюда, туда-сюда. Потом старик щупает Хасану лицо, уши, касается подбородка, век. Шуршит сухая кожа. Слепой замирает и, не говоря ни слова, возвращает Хасану монету. Поворачивается ко мне:

– А ты, мой юный друг?

За стеной кричит петух. Я отдергиваю руку.

СОН:

Метель. Я заблудился. Ветер, завывая, пригоршнями швыряет снег прямо мне в лицо. Ноги вязнут в сугробах. Зову на помощь, но голос мой уносит вьюга. Ветер сбивает меня с ног и заметает мои следы. «Я призрак, – думается мне, – только призраки не оставляют следов». Кричу опять, уже ни на что не надеюсь. И слышу: кто-то отвечает мне. За качающимися снежными полотнищами мелькает чей-то яркий силуэт. Из хаоса выныривает знакомая фигура. На протянутой мне руке глубокие порезы, из них сочится кровь и пятнает снег. Я хватаюсь за изрезанную руку – и снега уже нет. Мы стоим на зеленом лугу, над нами проплывают облака. В небе полно воздушных змеев, зеленых, желтых, красных, оранжевых, и полуденное солнце ярко освещает их.

В тупике настоящая помойка. Рваные велосипедные камеры, пустые бутылки, старые газеты и журналы – все присыпано битым кирпичом и строительным мусором. У стены валяется ржавая чугунная печь с дырой. Но я не замечаю всего этого. Мои глаза смотрят на синего змея рядом с ржавой печкой и на коричневые вельветовые штаны на куче кирпича. Это штаны Хасана.

– Ну, не знаю, – гундосит Вали. – Мой отец говорит, это грех. – Голос у него неуверенный, возбужденный и напуганный, все вместе.

Руки у Хасана выкручены за спину, он лежит на земле лицом вниз. Камаль и Вали уселись ему на плечи. Над ними возвышается Асеф, упершись ногой Хасану в шею.

– Твой отец ничего не узнает, – каркает Асеф. – Надо же преподать урок неучтивому ослу.

– Не знаю, – бормочет Вали.

– Решайся. – Асеф поворачивается к Камалю: – Ты что скажешь?

– Я?... А что я?

– Это всего-навсего хазарец, – убеждает Асеф, но Камаль отводит глаза. – Чудненько, – бросает Асеф. – Тогда держите его, слабаки. Больше от вас ничего не требуется.

Вали и Камаль с облегчением кивают.

Асеф становится на колени и хватается Хасана за ляжки, заставляя того принять недостойную позу, затем, придерживая его одной рукой, другой расстегивает на себе джинсы и спускает трусы. Хасан не сопротивляется. Не пикнет даже. Только вертит головой.

На какое-то мгновение я вижу его лицо. На нем выражение покорности. Как у барана перед закланием.

ЗАВТРА – ДЕСЯТЫЙ ДЕНЬ благословенного Зуль-хиджа, последнего месяца мусульманского календаря, и первый из трех дней великого праздника Ид-аль-адха (Курбан-байрама) в честь пророка Ибрагима, который чуть было не принес своего сына в жертву Аллаху. Баба лично выбрал праздничного барана, кипенно-белого, с раскосыми черными глазами.

Мы все собрались во дворе, Хасан, Али, Баба и я. Мулла, поглаживая бороду, читал молитву.

«Ну, давай же быстрее», – прошипел Баба еле слышно. Его утомили бесконечные молитвы, неизменная часть ритуала приготовления чистого мяса – халяля. Баба подсмеивался над религиозной подоплекой праздника – как и над религией вообще, – но уважал традиции. Обычай велел делить мясо на три части: своей семье, друзьям и бедным. Каждый год Баба неизменно отдавал все мясо бедным. Богатые и так толстые, говаривал он.

Мулла закончил молитву – Аминь – и взял длинный кухонный нож. По обычаю баран не должен видеть ножа. Али дал барану кусочек сахара – еще один

обычай, чтобы смерть была сладка. Животное пыталось брыкаться, но не сильно. Мулла схватил барана за морду, приставил к шее нож и одним ловким заученным движением перерезал горло. Взгляд барана будет долго преследовать меня в ночных кошмарах. Но я смотрел и смотрел, замороженный покорностью, светившейся в кротких глазах жертвы. Мне казалось, животное все понимало, знало, что его смерть – во благо людям. Вот так-то...

Отворачиваюсь. Что-то теплое ползет у меня по руке. Оказывается, я прокусил себе кулак до крови. Из глаз у меня текут слезы. Слышно, как постанывает Асеф.

Надо решаться. Еще можно изменить свою судьбу. Подняться, вступить за Хасана – как он частенько заступался за меня, – и будь что будет.

А можно и убежать.

И я убегаю.

Я смываюсь, потому что трус. Я боюсь Асефа. Какое унижение он придумает для меня? А вдруг мне будет больно? Трусу легко оправдать себя. Сказал же Вали: за все надо платить. Может быть, Хасан и есть моя плата за удачу, мой жертвенный баран? Любовь Бабы дорогого стоит.

Велика плата? Это хазареец-то?

Потихонечку отступаю по проезду, по которому пришел, постепенно ускоряю шаги. Уже бегом выскакиваю на почти опустевший базар и, задыхаясь, оседаю на землю возле первой попавшейся запертой двери.

Ну почему все случилось именно так?

Минут через пятнадцать слышу голоса и топот бегущих ног. Падаю ниц, чтобы меня не заметили. По базару вихрем проносится Асеф с двумя друзьями, хохоча на бегу.

Заставляю себя выждать еще минут десять и возвращаюсь в начало проезда. Вот она, забитая снегом канава. У березы с облетевшими листьями навстречу

мне выходит Хасан.

В руках у него синий змей – первое, что бросается мне в глаза. Сразу замечаю, что его чапан спереди весь перемазан грязью, а рубаха у воротника разорвана. Хасана шатает из стороны в сторону – вот-вот упадет. Нет, справляется.

Хасан протягивает мне змея.

– Где ты был? Я искал тебя. – Голос у меня строгий.

Как мне трудно говорить!

Он рукавом вытирает с лица сопли и слезы. Что он мне скажет?

Но он не говорит ничего. В молчании стоим в потемках. Наши лица еле видны, и это хорошо. Я не смог бы выдержать его взгляд.

А он знает, что я все видел? И что у него в глазах? Осуждение? Негодование? Или, самое страшное, беззаветная преданность? Это было бы ужаснее всего.

Хасан пытается что-то сказать и не может. У него пропал голос, и рот открывается и закрывается беззвучно.

Он отступает на шаг и опять вытирает лицо. Сейчас расплачется и расскажет мне все.

Нет, обошлось. Только слюну сглатывает. И молчит.

Больше вопросов я не задаю. Предпочитаю притвориться, что ничего не заметил. Ну не вижу я темного пятна у него на штанах. И капелек крови на снегу не вижу.

– Ага-сагиб будет волноваться, – с усилием произносит Хасан.

И мы трогаемся в путь.

Все происходит, как мне мечталось. Открываю дверь прокуренного отцовского кабинета и вхожу. Баба и Рахим-хан пьют чай и слушают новости по радио. При виде меня отец широко улыбается и раскрывает свои объятия. Прячу лицо у него на груди и плачу. Баба прижимает меня к себе и укачивает, как маленького.

У него на руках я забываю обо всем, что случилось. Это такое счастье.

8

Целую неделю Хасан не попадался мне на глаза. Когда я спускался вниз по утрам, завтрак уже ждал меня на столе: поджаренный хлеб, свежесваренный чай и теплое отварное яйцо. Выглаженная одежда была аккуратно сложена на плетеном стуле. Раньше Хасан ждал, пока я не начну трапезу, и только потом начинал гладить. За завтраком мы разговаривали, под шипение утюга пели старинные хазарейские песни про тюльпанные поля. Теперь никто не приветствовал меня по утрам – разве что выглаженная одежда. Еда в рот не лезла.

Однажды хмурым утром, когда я катал яйцо по тарелке, вошел Али с охапкой дров. Я спросил его, где Хасан.

– Он опять лег спать, – ответил Али, скрючившись перед печкой и открывая дверцу.

– А он сможет поиграть со мной сегодня? Али замер с поленом в руке.

– Последнее время он только и делает, что спит. Сделает свою работу – уж я слежу – и в постель. Можно вопрос?

– Спрашивай.

– После состязания воздушных змеев он пришел домой весь в крови. И рубашка разорвана. Я у него спросил, что случилось, а он: ничего, просто подрался за змея с другими мальчишками.

Я в молчании катал яйцо.

– С ним ничего такого не произошло, Амир-ага? Он мне все сказал?

Я пожал плечами:

– Откуда мне знать?

– Ты ведь не скрыл бы от меня, правда? Если бы произошло что-то дурное?

– Я же сказал, откуда мне знать, что с ним такое? – повысил голос я. – Может, он заболел. Все болеют время от времени, Али. Ты хочешь заморозить меня до смерти или все-таки затопишь?

– Как насчет поездки в Джелалабад в пятницу? – спросил я у Бабы тем же вечером.

Отец, откинувшись на спинку кожаного кресла-качалки, листал за письменным столом газету. Сложив ее, он снял свои очки для чтения – я всей душой ненавидел их, ведь отцу еще далеко до старости, он в самом расцвете сил, на что ему эта дурацкая побрякушка? – и посмотрел на меня.

– А почему бы и нет?

Последнее время Баба соглашался на все, о чем бы я ни попросил. Мало того. Позавчера он сам предложил сходить в кино «Ариана» на «Эль Сида» с Чарльтоном Хестоном и Софи Лорен.

– Хасана ты с собой в Джелалабад берешь? Ну зачем Бабе надо все испортить?

– Он болен, – пробурчал я.

– Правда? – Баба перестал раскачиваться. – Что с ним такое?

Я пододвинулся поближе к камину.

– Простудился, наверное. Али говорит, он все время спит. Сон его вылечит.

– Что-то не видно Хасана, не видно. – В голосе Бабы слышалась тревога. – Простудился, значит?

Ну зачем ты с такой заботой приподнимаешь бровь? Ненавижу.

– Обычная простуда. Так мы едем в пятницу, Баба?

– Да, да. – Отец оперся руками о стол. – Жалко, Хасан с нами не поедет. Тебе с ним было бы веселее.

– Нам и вдвоем с тобой хорошо, – возразил я.

– Только оденься потеплее, – весело подмигнул мне Баба.

Вдвоем-то оно было бы здорово. Только уже к вечеру среды Баба умудрился приглашать еще человек двадцать пять народу. Позвонил своему троюродному брату Хамаюну, выучившемуся на инженера во Франции, и сказал, что в пятницу собирается в Джелалабад. Хамаюн, у которого в Джелалабаде был дом, очень обрадовался и заявил, что пригласит всю компанию – двух своих жен, детей, кузена Шафика из Герата, который с семейством как раз гостит у него, кузена Надера (с ним у Хамаюна враждебные отношения, но живут они в одном доме), да и братца Фарука надо взять с собой, а то еще обидится и не позовет на свадьбу дочери в следующем месяце, и еще не забыть...

Получилось три микроавтобуса битком. Со мной ехали: Баба, Рахим-хан, Кэка Хамаюн (Баба с раннего детства приучил меня обращаться ко взрослым мужчинам «Кэка» – дядя, а к женщинам «Хала» – тетя), две жены Кэки Хамаюна, одна постарше, узколицая, с руками в бородавках, вторая помоложе (она все пританцовывала, закрыв глаза), и две хамаюновские дочери-близняшки (тоже пританцовывали, непоседы). Я сидел сзади, зажатый с двух сторон между семилетними девчонками, которые то и дело шлепали друг друга, а заодно доставалось и мне. Меня сильно укачивало, тем более что дорога до Джелалабада – это два часа горного серпантина. Все в машине орали во всю глотку – у афганцев такая манера разговаривать. Я попросил одну из девчонок,

Фазилю или Кариму, я их не различал, пустить меня к окну, пока мне не стало совсем плохо. Та только язык в ответ показала. Тогда я предупредил, что если ее новое платье пострадает, то я ни при чем. Минуту спустя голова моя высывалась из окна, перед глазами качалась ухабистая дорога, мимо проносились, колыхаясь, грузовики, набитые людьми. Я зажмурился, старался дышать поглубже, ветерок дул мне в лицо. Только легче не становилось.

Меня ткнули пальцем в бок. Фазиля/Карима, кто же еще.

– Что? – спросил я.

– Я как раз рассказываю всем про турнир воздушных змеев, – прогудел Баба из-за баранки.

Со среднего ряда сидений мне улыбался Кэка Хамаюн с женами.

– В небе в тот день, наверное, было не меньше ста змеев, – продолжал Баба. – Правда, Амир?

– Наверное, – промычал я.

– Сто змеев, Хамаюн-джан. Кроме шуток. И под конец дня в небе остался только один, змей Амира. Сбитого синего змея он принес домой. Хасан и Амир вместе определили, где он упал, и успели первыми.

– Поздравляю, – расплылся Кэка Хамаюн. Его первая жена сдвинула вместе бородавчатые ладони.

– Вах, вах, Амир-джан, мы так гордимся тобой.

Вторая жена пошла по стопам первой. Некоторое время все хлопали, выкрикивали поздравления, восхищались мной. Молчал только Рахим-хан, сидевший на переднем сиденье рядом с Бабой, он как-то странно посматривал на меня.

– Остановись, – промычал я отцу.

– Что случилось?

– Мне плохо. – Меня отбросило от окна, и я навис прямо над хамаюновскими дочками.

– Сверни на обочину, Кэка, – заверещали девчонки. – Он такой желтый, как бы он нам платья не испортил!

Баба затормозил, но было уже поздно.

Пока машину проветривали, я сидел на придорожном камне. Баба и Кэка Хамаюн курили. Между затяжками дядюшка убеждал Фазилу/Кариму перестать плакать, в Джелалабаде он купит ей другое платье, еще лучше прежнего. Я зажмурился и подставил лицо солнечным лучам. За закрытыми веками возник целый театр теней, образы плясали и растекались, пока не слились в один: вельветовые штаны Хасана на куче кирпичей.

Веранда белого двухэтажного дома Кэки Хамаюна выходила в сад, обнесенный высоким забором; в саду росли яблони, хурма и декоративный кустарник. Летом садовник подстригал кусты и придавал им формы разных зверей. Имелся и бассейн, отделанный изумрудно-зеленым кафелем. Свесив ноги, я сидел на краю бассейна, дно его покрывал слежавшийся снег. В дальнем конце сада дети Кэки Хамаюна играли в прятки, женщины на кухне готовили еду. Аромат жареного лука щекотал мне ноздри, слышалось шипение скороварки, музыка и смех. Баба, Рахим-хан, Кэка Хамаюн и Кэка Надер курили, сидя на веранде. Кэка Хамаюн говорил, что привез с собой проектор и покажет всем слайды, которые снял во Франции. Он уж десять лет как вернулся из Парижа, но все носился со своими дурацкими слайдами.

В общем, все шло хуже некуда. А ведь у нас с Бабой все складывалось хорошо. Пару дней назад мы с ним ходили в зоопарк, смотрели на льва Марджана, и я бросил камешек в медведя, когда никто не видел. После зоопарка мы наведались в кебабную Дадходы напротив «Кинопарк» и ели кебабы из ягнятины и горячий, из тандыра, хлеб. Баба рассказывал мне о своих поездках в Индию и Советский Союз и о людях, с которыми его сталкивала жизнь, говорил о безногих супругах из Бомбея – они прожили вместе сорок семь лет и произвели на свет одиннадцать детей. Это был замечательный день – именно о таком я

мечтал все эти годы. Если бы еще не эта пустота внутри – вот словно в спущенном бассейне передо мной.

Незадолго перед закатом жены и дочери накрыли к ужину – рис, кофта и курма из цыплят. Все, как велит традиция: на полу была расстелена скатерть, мы сидели вокруг на подушках и ели руками из общей посуды – по блюду на четверепять человек. Хотя я и не был голоден, пришлось участвовать в общей трапезе вместе с Бабой, Кэкой Фаруком и двумя сыновьями Кэки Хамаюна. Баба, приложившийся перед ужином к бутылочке, гнул свое про состязание воздушных змеев, как я всех разгромил и принес домой сбитого змея. Го – лос его заполнял всю комнату. Все опять приносили мне свои поздравления, дядюшка Фарук хлопал меня по спине чистой рукой. Я сидел как на иголках.

Уже за полночь, наигравшись в покер, мужчины легли спать на тюфяках, постеленных в ряд в той же комнате, где ужинали. Женщины отправились наверх.

Прошел час, а заснуть я не смог. Родственники мои давно дрыхли без задних ног, сопели и храпели, а я все ворочался с боку на бок. В окно светила луна.

– Я видел, как насиловали Хасана, – вдруг произнес я вслух.

Баба пошевелился во сне. Кэка Хамаюн что-то пробормотал. Хотя бы кто-нибудь меня услышал, ну как мне жить дальше со своей страшной тайной наедине? Нет ответа, только глухое молчание. Я проклят, мне некому поведать свою печаль.

Вот что предвещал сон Хасана про озеро! Никакого чудовища нет, сказал он. Есть, и еще какое. Чудовище – это я сам. Я схватил Хасана за ноги и утащил на илистое дно.

С этой ночи бессонница стала моей постоянной спутницей.

Я не проронил с Хасаном ни слова до середины будущей недели. Он мыл посуду, а я, не доев обед, поднимался к себе. Хасан окликнул меня, спросил, не хочу ли я подняться с ним на вершину холма. Я устал, сказал я. У Хасана тоже был усталый вид: похудел, под затекшими глазами серые круги. Он обратился ко мне

еще раз. Я согласился.

Хлюпая по грязному снегу, мы в молчании поднялись по склону и сели под гранатовым деревом. Ой, не стоило мне сюда приходить. Ведь на стволе была вырезанная мною надпись: «Амир и Хасан – повелители Кабула». Оказалось, я видеть ее не могу.

Хасан попросил меня прочесть что-нибудь из «Шахнаме». Мне расхотелось, сказал я ему. Лучше вернуться домой. Не глядя на меня, Хасан пожал плечами. Спускались мы с холма, как и поднимались, – не говоря ни слова.

Впервые в жизни я не мог дожждаться, когда же придет весна.

О том, что еще случилось зимой 1975 года, воспоминания у меня самые смутные. Когда Баба бывал дома, в душе у меня поселялась радость. Мы вместе обедали и ужинали, ходили в кино, отправлялись в гости к Кэке Хамаюну или Кэке Фаруку. Иногда заходил на огонек Рахим-хан, и Баба разрешал мне посидеть с ними за чаем в кабинете. Я даже читал отцу свои рассказы. Все шло отлично, и, казалось, лед в наших отношениях растаял. Только зря мы с Бабой обольщались на этот счет. Ну разве может безделушка из клееной бумаги и бамбука закрыть собой пропасть между людьми?

Когда Бабы дома не было – а это случалось частенько, – я отсиживался у себя в комнате, читал, писал рассказы, рисовал лошадок. По утрам, пока Хасан возился в кухне под звяканье тарелок и свист чайника, я старался дожждаться, когда все стихнет, хлопнет дверь, и только тогда спускался вниз. День начала занятий в школе я обвел в своем календаре кружком и считал, сколько дней еще осталось.

К моему ужасу, Хасан изо всех сил старался, чтобы все между нами шло как раньше.

Сиюю я в своей комнате и читаю «Айвенго» в сокращенном переводе на фарси, а он стучится в дверь.

– Что такое?

– Я иду к булочнику за хлебом, – говорит Хасан из-за двери. – Не хочешь пройтись за компанию?

– Я занят, – отвечаю, потирая виски. С недавних пор, стоит Хасану оказаться поблизости, как у меня начинает трещать голова.

– На дворе солнышко.

– Вижу.

– Только и гулять в такую погоду.

– Вот и ступай.

– А ты разве не собираешься?

Молчу. Что-то ударяется о дверь с той стороны. Хасан, что ли, бьется лбом?

– Что я такого сделал, Амир-ага? Скажи мне. Почему мы больше не играем вместе?

– Ты не сделал ничего плохого. Иди себе.

– Скажи мне. Я исправлюсь.

Сгибаюсь пополам и зажимаю себе коленями голову, словно тисками.

– Сейчас скажу, в чем тебе следует исправиться. – Глаза у меня закрыты.

– Слушаю.

– Прекрати приставать ко мне. Иди куда шел.

Хоть бы он ответил мне грубостью – распахнул сейчас настежь дверь и наговорил резких слов, – мне было бы легче. Ничего подобного. Выхожу из комнаты – а Хасана и след простыл.

Падаю на кровать, накрываюсь подушкой и рыдаю.

Теперь Хасан существовал где-то на задворках моей жизни. Я старался, чтобы наши пути никак не пересекались. Если Хасан был рядом, воздух в комнате становился разреженным и я начинал задыхаться, словно мне не хватало кислорода. Но даже если Хасан находился далеко, я все равно чувствовал его присутствие – в кипе выстиранной и выглаженной им одежды на плетеном стуле, в нагретых тапочках у двери, в затопленной перед завтраком печке. Куда бы я ни повернулся, перед глазами у меня маячили знаки его непоколебимой преданности, будь она трижды проклята.

Ранней весной, за несколько дней до начала занятий в школе, Баба и я сажали в саду тюльпаны. Почти весь снег растаял, на склонах холмов уже пробивалась свежая травка. Утро выдалось серое и холодное. Баба, сидя на корточках, клал в лунки луковицы, которые подавал я, и засыпал землей. Большинство людей считает, что тюльпаны лучше сажать осенью, говорил он, но это неправда.

И тут я его огорошил:

– Баба, а тебе никогда не хотелось нанять новых слуг?

Луковица упала на землю, садовый совок плюхнулся прямо в грязь. Баба резким движением содрал с рук перчатки.

– Что ты сказал?

– Я рассуждаю, вот и все.

– И чего ради я должен прогнать старых слуг? – Слова отца прозвучали резко.

– Ничего ты не должен. Я просто спросил, – пробормотал я.

Зачем только было затевать этот разговор?

– Это все из-за тебя и Хасана? Между вами словно черная кошка пробежала, но ты уж сам разбирайся. Я тут ни при чем.

– Извини, Баба.

Отец вновь натянул перчатки.

– Я рос вместе с Али, – процедил он сквозь зубы. – Мой отец взял его в семью и любил, как собственного сына. Али с нами уже целых сорок лет, черт побери. И ты думаешь, я хочу его вышвырнуть? – Лицо у Бабы было красное как тюльпан. – Я тебя пальцем никогда не тронул, Амир, но если ты только заикнешься еще раз... – Отец оглянулся и потряс головой. – Ты позоришь меня. Хасан останется здесь, ты понял?

Потупившись, я набрал полную горсть холодной земли, и сейчас она сыпалась у меня между пальцами.

– Ты понял, что я сказал? – проревел Баба.

– Да, Баба.

– Хасан останется с нами. – Баба с яростью вонзил совок в землю. – Он здесь родился, здесь его дом, его семья. Выброси всю эту чушь из головы.

– Я понял, Баба. Извини.

Последние тюльпаны мы сажали в тяжелом молчании.

Начались занятия, и мне стало немного легче. Новые тетради, остро заточенные карандаши, общий сбор во дворе школы, сейчас староста дунет в свисток... Размешивая грязь, Баба подвез меня к самому входу в старое двухэтажное здание из натурального камня с облупившейся внутри штукатуркой. Большинство моих товарищей прибыло в школу на своих двоих, и «форд-мустанг» Бабы всегда провожали завистливыми взглядами. Выходя из машины, я должен был надуться от гордости – но помню лишь свое смущение. И пустоту внутри.

Отъезжая, Баба со мной даже не попрощался.

Мы еле успели похвастаться боевыми шрамами на ладонях – памятками о воздушных сражениях, – как раздался звонок. Все парами отправились в классы. Я занял последнюю парту. На уроке фарси мне хотелось одного: чтобы задали побольше.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Парк «Золотые Ворота» в Сан-Франциско – один из крупнейших парков в мире, с секвойевым лесом, лагунами и искусственными озерами, в числе которых и озеро Спрекелс.

2

До войны Вазир-Акбар-Хан был уважаемым и очень спокойным районом Кабула, где помимо домов состоятельных горожан располагались иностранные представительства.

3

Мешхед – священный город шиитов, расположен на севере Ирана, на пересечении нескольких древних торговых путей; в Мешхеде находится грандиозная мечеть Гаухаршад, которая является святыней шиитов, и в город стекается множество паломников – до 11 миллионов ежегодно. Город возник на месте мученической смерти (по-арабски «машхад») 8-го шиитского имама Резы

4

Хазары (или хазарейцы) – тюркоязычный кочевой народ, история которого полна загадок. В настоящее время наиболее многочисленны хазарейцы в Афганистане, где их проживает более миллиона человек, в основном в центральной горной части (Хазараджат). В отличие от основного афганского населения, пуштунов, являющихся суннитами, хазарейцы исповедуют шиизм. Говорят хазарейцы на диалекте таджикского языка (хазараги). Хазарейцы долго сохраняли независимость, пока в 1892 году афганский эмир Абдуррахман не покорил Хазараджат.

5

После смерти пророка Мохаммеда мусульмане разделились на суннитов (от арабск. ахль ассунна – люди сунны) и шиитов (от арабск. шиа – приверженцы). Первые считали, что после смерти пророка никто из людей не может исполнять роль посредника в отношениях с Богом. Божественную волю можно выявить, изучая Коран и сунны – сборники преданий о жизни пророка. Шииты же, напротив, утверждали: после смерти Мохаммеда посредником между Богом и людьми стал Али – двоюродный брат пророка, женатый на его единственной дочери. После убийства Али эта роль перешла сначала к его потомкам, а потом к духовенству, самые видные представители которого у шиитов носят титул аятоллы (знамение Бога). Сначала борьба между суннитами и шиитами шла с переменным успехом, но в конце концов шииты, уступавшие по численности своим оппонентам, потерпели поражение и на протяжении многих веков почти во всех мусульманских странах оставались дискриминируемым меньшинством.

Единственной крупной страной, где им удалось прочно утвердиться, стал Иран.

6

Белуджистан – историческая область в Азии, на юго-востоке Иранского нагорья. Сейчас Западный Белуджистан входит в состав Ирана, а Восточный – в состав Пакистана.

7

Нан – дрожжевые лепешки, широко распространенные от Афганистана до Индии

8

Закят, закят (арабск., буквально – очищение), религиозный «очистительный» налог у мусульман, взимание которого предписано в Коране, а размеры и правила обложения приведены в шариате. Закят предназначался на содержание пророка Мохаммеда и его семьи, для помощи нищим, путешественникам и участникам «священной войны». В феодальных мусульманских государствах закят взимался со скота, ремесла, торговых прибылей, наличных денег и драгоценностей. У современных мусульман закят – добровольное даяние мусульманскому духовенству.

9

Хафиз – знаменитый персидский поэт, умер в 1389 году; его гробница в иранском Ширазе – место паломничества; величайший лирик Востока,

сочетающий глубокое и жизнерадостное мировоззрение и совершенство формы. На русском языке известен прежде всего в переводах Фета. Руми, Джалаледдин (1207-1273) – персоязычный поэт-суфий. Наибольшую славу принесла Руми созданная в последние годы жизни поэма «Месневи и манави». Свои теоретические положения Руми иллюстрировал притчами, заимствованными из фольклора народов Востока.

10

Саади (1203-1292) – персидский поэт-классик, автор произведений в жанре мудрых рассуждений, ставших образцом этого популярного направления в персидской классической литературе. Самые знаменитые произведения Саади – «Бустан» (1257) и «Гулистан» (1258).

11

«Шахнаме» – общее название прозаических и стихотворных сводов мифов и исторических хроник персидских народов. Самый значительный из них – знаменитая поэма великого персидского поэта Фирдоуси, писать которую начал другой персидский поэт – Дакики. От остальных сводов сохранились лишь фрагменты. «Шахнаме» начали составлять в III-VI веках на среднеперсидском языке, в VIII-IX веках – переводить на арабский язык, но эти тексты до нашего времени не дошли. В X веке на их основе были созданы своды на фарси.

12

Перевод С. Липкина.

13

Слава Богу (арабск.).

14

Бог даст (арабск.).

15

Герат расположен в крупном оазисе на северо-западе Афганистана, его основание приписывается Александру Македонскому. Город стал знаменит в XV веке – своей школой искусства миниатюры; центром декоративно-прикладного искусства он остается и сейчас.

16

Дауд Хан в последние годы правления короля Захир-шаха был премьер-министром, именно он убедил короля Афганистана отказаться от традиционной ориентации на Великобританию и создать современную армию по образцу вооруженных сил СССР. По тогдашнему «призыву Дауда» в московские военные училища и академии были направлены сотни курсантов и офицеров. 17 июля 1973 года Дауд Хан возглавил военный переворот, в результате которого король был отправлен в изгнание, Афганистан объявлен республикой, а Дауд Хан – ее президентом.

17

Ахмад Захир (1946–1977) – культовая фигура для афганцев, и не только в музыке; погиб в автомобильной аварии при загадочных обстоятельствах.

18

Священный Коран делится на 114 глав – сур (собственно «рядов» – камней в стене); каждая сура состоит из нескольких (от 3 до 286) стихов – аятов («чудо», «чудесное свидетельство»).

19

Манту (манты) – традиционное мясное блюдо народов Центральной Азии, известное под другими названиями также в Китае и Пакистане; состоит из мясного фарша в тонко раскатанном тесте; готовится на пару. Пакора – овощи, поджаренные во фритюре.

Купить: <https://telnovel.com/haled-hosseyni/beguschiy-za-vetrom-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)